

КОНСТАНТИН ФРЕС

ДЮВУШКА
ДЛЯ ИНКВИЗИТОРА

Константин Фрес

Ловушка для Инквизитора

«Литнет»

2021

Фрес К.

Ловушка для Инквизитора / К. Фрес — «Литнет», 2021

- Вы будете моей... - Ах, вот как, господин Инквизитор! Думаете, ваше высокое положение, личное обаяние и привлекательная внешность позволят вам сделать своей любую женщину города?! Я замужняя дама, между прочим! И мой ответ вам - нет! - ... моей помощницей, - договорил Инквизитор, насмешливо изогнув бровь. - Но ход ваших мыслей мне нравится.

Содержание

Глава 1.	5
Глава 2	15
Глава 3	25
Глава 4	41
Конец ознакомительного фрагмента.	43

Глава 1.

- Эй, дура ленивая, корова толстозадая! Поворачивайся живее, да тащи мне скорее свежего пива, а то в глотке пересохло! Я что, должен подохнуть от жажды, пока ты соизволишь пошевелиться?! Быстрее давай!

Рыжебородый Патрик с вытаращенными жидко-голубыми глазами изо всех сил грохнул по столу кружкой, да так, что та раскололась, а Патрик расхохотался скотским хохотом. То, что он принес ущерб, хоть и небольшой, наполняло его гадкую душу счастьем, и он с удовольствием наблюдал, как трактирщица - милая молодая женщина с лучистыми светлыми глазами и каштановыми выющимися волосами, - со вздохом собирает осколки.

Пятая кружка за неделю; Патрик словно разорить ее собрался. Да и муж будет недоволен.

- Моя покойная прабабка живет тебя, - с ненавистью шипел коротышка Патрик, так и пожирая девушку глазами. Разве что слюни не текут на стол. Тронуть трактирщицу он не осмеливался - в прошлый раз его шутки и приставания окончились звонкой оплеухой. И над ним потешалась вся таверна, украдкой фыркая в кулачки. - Ты и в постели такая же дохлая? Бревно бревно. Не повезло Ричарду.

И он первый расхохотался над своей гадкой шуткой, а его компания вторила ему нетрезвыми голосами.

- Все равно моей будешь, - отсмеявшись, зло прошипел Патрик. - Строптивая кобылка... таких объезжать самый смак!

Трактирщица вскинула на него дерзкий взгляд зеленых глаз, но почти сразу же отвела. И промолчала. Не стала связываться.

- Ух, хороша, чертова кукла! - рявкнул Патрик, хлебнув остатки самогона прямо из бутылки и утерев подбородок, поросший рыжей колючей щетиной. - Как есть - некромантка. Надо бы на дыбу ее подвесить, да пощекотать ей голую задницу хлыстом. Сразу поговорчивее будет. Ну, дождусь я сегодня пива или что!?

По-хорошему, Ричард, муж трактирщицы, должен был бы спуститься сверху, из своей комнаты, где он считал прибыль за день, да наподдавать Патрику по шее хорошенько. Но он никогда не сделал бы этого. Во-первых, Патрик был его другом, и Ричард ценил и уважал его больше собственной жены, пусть даже и хорошенькой, юной и свежей.

Во-вторых, до жены Ричарду как будто совсем не было дела. Ну, баба и баба. Годится только на то, чтоб работать хорошенько да вертеться под ним в постели. Патрик неуважителен? Лапает за задницу? Ничего, от жены не убудет!

А в-третьих, Патрик был местным клириком, посланником магии на земле. Он мог обвинить любого горожанина в черной магии, одного его слова было достаточно, чтоб любого ухватили и возвели на костер, будь то хоть Патриков родственник. Поэтому Ричард разумно рассудил, что пусть лучше его жена потерпит потные ладошки Патрика за пазухой, чем он, Ричард, потерпит языки пламени, лижущие ему пятки.

Патрик это тоже понимал и бессовестно этим пользовался. Высший Инквизиторий в этот забытый магией городишко не навещался никогда, и Патрик почувствовал свою полную безнаказанность и неограниченную власть. Ему ничего не стоило придумать какое-нибудь несуществующее правило или закон, чтобы сильнее запугивать темных людишек. Никто его не мог поправить и дерзить ему не отваживался.

Свою паству он держал в ежовых рукавицах и никто ему и слова не смел сказать поперек. На костер строптивую бабу - юную трактирщицу, - он вести не торопился. Все ж рассчитывал получить свое. А пока не получил - мучил ее и брал измором.

...За стенами трактира была непроглядная ночь и жуткий туман, который словно для того и создан, чтоб порождать чудовищ и вурдалаков. Нестерпимый, лютый, почти зимний

холод пронизывал до костей, ветви деревьев дрожали, боясь подстерегающих во мраке ужасов. Поэтому стук в двери был словно крик о помощи от заблудшей души, и трактирщица к великому неудовольствию Патрика поспешила не за пивом для него, а открыть припозднившегося гостя.

- Кого это демоны носят в такой поздний час?! - разгунделся Патрик. - Добрые люди по домам сидят, а в тумане бродят только оборотни! Не открывай этому ублюдку, дура! Пусть катится туда, откуда явился!

Но строптивая трактирщица вновь сверкнула на Патрика зелеными злыми глазами.

- Выгнать гостя в холод и мрак? Сердца у вас нет. Он наверняка замерз и измучен, и его лошади валяются с ног. Далеко ли он уедет? Где будет искать ночлега в такой час, если я ему откажу?

- Мне все равно, - отозвался Патрик. - Я не хочу, чтоб кто-то портил мне вечер своим нежелательным присутствием.

- Это мой трактир, - ответила девушка. У нее был красивый, твердый голос, в котором не угадывалось ни капли страха. - Только мне решать, кто будет здесь принят, а кто нет!

- Упрямая дура! - разозлился Патрик. - Вот порвет тебя оборотень - и проделом тебе будет! Или постой, ты с оборотнями заодно!? Ведьмино отродье... надо б сжечь тебя на площади! Выставить с голыми сиськами у столба и подпалить тебе ляжки!

- Раз я заодно с оборотнями, - огрызнулась трактирщица, - вот сейчас впущу его сюда, и тогда посмотрим, чьим ляжкам будет жарче, моим или твоим!

- Стерва! - выкрикнул Патрик.

Трактирщица уже не слушала его; она выглянула в окошечко и торопливо отодвинула засов. По всему выходило, что за дверями не оборотень, а человек, и девушке он опасения не внушал.

А вот Патрик, едва увидев нового гостя, даже зарычал, кусая рыжий ус, и его тараканы глазки налились кровью от злобы.

Приезжий - а это был именно приезжий, потому что жителей своего городишки Патрик знал наперечет, - был высок, строен и хорошо одет, в черные модные брюки, дорожные сапоги и строгое пальто из очень дорогого черного материала, застегнутое на два ряда блестящих пуговиц. На руках его были изумительной белизны перчатки - даже простыни местных девиц были не такие белые, - а лицо...

- Да ты, верно, сын преисподней, и этот злой туман породил тебя! - рыкнул Патрик, рассматривая белоснежную кожу незнакомца, белоснежную гриву волос, рассыпавшихся по плечам, и алые глаза. - Альбинос! Нечисть!

Альбинос перенес его вопли молча, недобро разглядывая местного клирика. Туман осел на его плечах мелкими каплями, альбинос спешно стаскивал свои белые перчатки, чтоб согреть руки у огня, и ссору с Патриком явно оставлял на потом.

- Проходите ближе к огню, - меж тем суежилась трактирщица. - Вы, верно, устали? Давно в пути?

- Три дня, - холодно ответил альбинос. - По делам в вашем городе.

- Извольте снять комнату? - меж тем заботливо ворковала трактирщица, отчего-то раскрасневшаяся и разулыбавшаяся. - Наверху у нас есть вполне приличные ком...

Договорить она не успела; Патрику ее заботливость по отношению к приезжему франту очень не понравилась. К тому же, местный клирик ощутил свою ущербность на фоне щеголя.

Обгрызенные ногти с траурной каймой против белых перчаток, грязная, поношенная сутана, застиранная до уныло-серого цвета против модного добротного пальто и небритая, пьяная свинья харя против тонких черт белоснежного лица - Патрик явно был в проигрыше.

Сердце его резанула ревность.

Женщина, которую он уже считал своей и от которой так и не добился ни единой улыбки, просто так стелилась перед приезжим! И ему ужин и выпивку подала махом, а Патрик половину вечера не может допроситься у нее свежего пива!

- Сын погибели! - проорал злобно Патрик, увидев, что приезжий берет вилку левой рукой. - Левша! Отражение демона! Да куда ты смотрела, толстозадая курица, когда пускала его в трактир! Этот франт намного хуже, чем оборотень! На костер его!

- Только кричите, - внезапно вступился за приезжего тощенький, застенчивый паренек-служка, смущенно приглаживая смоляную шевелюру, остриженную под горшок. - А оборотни ничего дурного вам не сделали. Да и вообще никому! И на приезжего человека наговариваете зря. А он просто левша.

Патрик перевел взгляд злобных, мутных глаз на мальчишку, и тот в панике зашатался, как осина на ветру, не зная, в какую сторону бежать, чтоб скрыться от злобного пастыря.

- Ничего дурного!? А кто передушил всех овец?!

- Так волк же, - промямлил мальчишка. - Его давеча же подстрелили...

Но Патрик не слушал его.

- Вот поставим этого призрака тебе на спину, защитник оборотней и демонов, - мстительно прошипел он, - обложим вас двоих хворостом и подпалим! Славный костер будет!

- Не связывайся с ним, Густав, - сказала хозяйка. - Поди лучше позаботься о лошадях господина.

- На костер? За что? - меж тем заинтересованно поинтересовался приезжий. Он уписывал свой ужин, с любопытством прислушиваясь к перебранке. Ни капли страха не отражалось в его чертах, видимо, он не понимал, что над головой его нависла настоящая беда. - Вы собрались меня сжечь за то, что я ем левой рукой?!

- Как будто этого мало! - фыркнул Патрик.

- Но это неправильно, - с легкой улыбкой произнес альбинос, уставившись своими алыми глазами на взбешенного Патрика.

Его тонкое, красивое, породистое лицо так и лучилось доброжелательностью, и Патрика это взбесило еще больше.

- Здесь я решаю, - рявкнул он, - что правильно, а что не очень! Это мой город! Я здесь закон! Эй, ребята - хватайте этого фанфарона! Сейчас мы нанижем его на вертел и испечем, поливая маслом!

Помощники Патрика с готовностью ринулись на альбиноса с победными криками, и первый же, кто собрался коснуться его, отлетел обратно, сшибая прочих с ног, как кегли.

Тонкий, изящный, такой чистенький и светлый молодой человек внезапно оказался очень силен, буквально так невероятно, магически. Он отвесил нападавшему такую оплеуху, что челюсть службе клирика сломал и распечатал нос.

Вмиг его доброжелательность сменилась сосредоточенной злостью, он подскочил на ноги, сжав кулаки. Патрик, рассматривая свою растерявшуюся команду, считающую на полу потерянные зубы, взвыл.

К настоящим схваткам клирик и его помощники были не готовы. Что там - девку утащить в застенки, или деревенского дурачка пинками загнать в подвал - это легко. А тут, кажется, посерьезнее противник нарисовался... привыкший к дракам, тренированный, ловкий.

- Ах ты, - вопил Патрик, выхватив свою волшебную палочку и наставляя ее на альбиноса. - Некромант, поди?! А ну, покажи свою палочку! Я хочу видеть ее, нечисть!

- С превеликим удовольствием, - елеинным голосом произнес альбинос и с грозным звоном выхватил черный длинный узкий меч с перевитой гардой. - Сейчас я вас буду учить, что есть правильно, а что нет, мерзавцы.

Увидев черное острие, нацеленное ему в грудь, Патрик как-то незаметно для самого себя оказался на жопе, уползая в дальний угол, как краб, задом наперед.

- Магия пресвятая, - шептал Патрик, пуская лужу. - Высший Инквизитор...

- Выше некуда, - поддакнул альбинос. - Позвольте представиться - Тристан Пилигрим, королевский бастард. Ну? Еще построишь догадки о том, какая нечисть меня породила?

Страшный альбинос наступал неторопливо, угрожающе покачивая своим оружием, и Патрик уже здорово пожалел, что ввязался в ненужную ссору с приезжим. Совсем позабыл о том, что весь остальной мир, в отличие от его городишки, живет совсем по другим правилам!

- Так значит, - тяжело произнес Тристан, сверкая красными глазами, - оборотни тебе не нравятся? А ты кто таков, чтоб решать, кому жить, кому умереть? Магия сотворила их таковыми Это их естество и их особая магия. Ты что, умнее магии?

Патрик отчаянно затряс головой, отрицая всяческий свой ум, да так, что его обрюзгшие щеки заходили, как холодец, и Тристан опустил меч.

- Руку целуй, - брезгливо произнес он, протягивая белоснежную тонкую кисть Патрику. Величайшая милость, какой удостаивались только короли и красивые дамы!

Патрик радостно свернул мокрые красные губы трубочкой и потянулся к руке Инквизитора. Но тот вот же хитрый гад! - почти на размахиваясь, вдруг вlepил ему сокрушительную пощечину, да так, что зубы лязгнули и ум закатился за разум. Патрик, вытаращив глаза, со свернутыми в трубочку губами, крутнулся и воткнулся носом в пол. Сознание почти вылетело из его головы.

- Скольких людей ты сжег, - голос Инквизитора над головой грохотал как гром в лихую грозу, - только за то, что они ели левой рукой?!

Поверженный Патрик молчал.

Он был слишком потрясен, чтобы говорить.

- Твоих, ваша милость, - снова влез осмелевший мальчишка-служка, обрадованный тем, что появился тот, кто сможет обуздать жестокость Патрика.

- Твоих, значит, - задумчиво произнес Тристан - и снова протянул руку слегка очухавшемуся Патрику. - Целуй!

Патрик снова послушно сложил трясущиеся губы в трубочку, преданно заглядывая Инквизитору в глаза. Он знал, что сейчас последует, но ослушаться не рискнул.

Предчувствия его не обманули.

Инквизитор - на сей раз резко размахнувшись, - что есть силы врезал по щетинистой физиономии Патрика, и тот, два раза обернувшись вокруг своей оси, рухнул, как боксер, пропустивший хук в челюсть.

- Завтра, - тяжело отпыхиваясь, встряхивая узкой, заалевшей кистью, произнес Тристан, - я жду этого мерзавца на площади. Напомню ему, что значит служение...

Хозяйка проводила Инквизитора до самой лучшей, самой дорогой комнаты - в ней была ванна, кран с горячей водой и самая удобная постель во всей гостинице, - а сама вернулась в зал, чтобы подмести осколки, собрать выбитые зубы и замыть пятна крови.

Патрика и его шайки уже не было. Патрик не осмелился даже спрятаться и дожидаться женщину, чтобы отомстить ей за то, что она впустила инквизитора, хотя эта выходка была бы полностью в его духе, и молодая женщина спускалась в зал с опаской.

Однако, обошлось.

Она закончила с уборкой ближе к полуночи. От работы ломило поясницу, глаза слипались - так хотелось спать, - но она все же решила постучаться к новому постояльцу, узнать, не нужно ли чего. Признаться, ею двигало не только любопытство - ранее никто из важных господ не посещал их маленького городка.

Молодой инквизитор не только своими магическими способностями и белыми перчатками смутил ее разум. Молодая женщина, изо всех сил сопротивлялась свербящему, зовущему

чувству, но ее словно на аркане тянуло туда, в комнату, освещенную присутствием красивого альбиноса.

«Да, красивый», - думала она, поднимаясь по скрипучей лестнице и с замиранием сердца приближаясь к дверям комнаты.

Она постучала, но ей никто не ответил? Спит уже? Тут бы ей и уйти, но ноги не несли прочь. Инквизитор словно приколдовал ее. Хозяйка делала шаг назад, к лестнице, но почти тотчас же возвращалась к двери снова и в нерешительности останавливалась.

«Войду, - решила, наконец, она, обнаружив, что дверь не заперта. - В конце концов, это мой долг - заботиться о посетителях».

Она вошла, крадучись, и тотчас со вскриком рванула обратно, к дверям, едва не уронив свечу, потому что необычный гость ее, отодвинув в сторонку ширму и загородив ею окно, блаженствуя, лежал в ванне, отогревая уставшее тело в горячей воде.

На его гладком ровном лбу сияли капли пота, руки свободно лежали на бортах ванны, голова была откинута на валик, который инквизитор соорудил из банного полотенца. Все то, что приличной замужней женщине видеть было нельзя, было погружено в воду и замаскировано пышными хлопьями пены.

- А, вот вы, наконец, - произнес инквизитор, приоткрыв один глаз. - Что ж так долго-то. Я зову, зову. Ну, куда же вы побежали?

Это означало лишь одно - инквизитор действительно приманил ее своей магией. Все равно что пальцем подманил.

- Вы не одеты, ваша милость, - пролепетала женщина, пряча глаза. Стыд-то какой! Если муж узнает, что она была в одной комнате с голым мужчиной!..

- Ничего он не сделает, - угадав ее мысли, или даже магически прочитав их, ответил инквизитор. - Я не замышляю ничего дурного против вас и вашей чести. Вы мне нужны для дела.

- Это вы так считаете, - немного осмелев, произнесла хозяйка гостиницы, - что ничего дурного нет в том, что вы без штанов, а я в одной комнате с вами заперта. У мужей же на эти вещи совсем другие взгляды.

Инквизитор усмехнулся и плеснул себе на голую грудь пригоршней теплой воды. На безымянном пальце его сверкнуло тонкое золотое кольцо.

- Вы тоже женаты, ваша милость? - невольно произнесла молодая женщина, ступив ближе.

- Был женат, - поправил инквизитор глухо, пряча руку с кольцом под водой. - Это были длинные и счастливые тридцать лет жизни... да...

Расслабленность исчезла из его позы, он уселся в воде, нервно сжимая губы. Казалось, он рад был бы тотчас покинуть ванну и сбежать прочь и от неприятного разговора, и от женщины, которую сам же и позвал, но не мог - штанов на нем точно не было. А к слишком близкому знакомству с местными красавицами он был явно не готов.

- Тридцать лет?! - изумилась хозяйка гостиницы. Эта странная цифра - тридцать лет, - никак не вязалась с молодым инквизитором, который и сам-то едва выглядел на эти годы.

- Я немного старше, чем это может показаться, - пояснил инквизитор, глядя исподлобья на женщину.

- И что же произошло?.. - шепнула она.

Невероятным образом она очутилась рядом с ванной. Влажная рука мужчины, светясь колдовской белизной, лежала на бортике, и женщина не смогла побороть искушение - коснулась белых пальцев, будто проверяя, призрак ли перед ней или живой человек из плоти и крови.

Пальцы были мокрые горячие. И совершенно точно живые.

- Три года назад, - не приветливо ответил инквизитор, - некие люди... назовем их так... словом, они совершили покушение на нас. Она погибла. Именно поэтому я тут. Расследование привело меня в ваш город.

Он шевельнулся, вода плеснулась, и на белоснежной груди, напротив сердца, женщина успела разглядеть черное, как налитый кровью синяк, пятно. Что-то злое, будто оскаленный череп.

- Магия пресвятая, - воскликнула она, протянув руку и касаясь горячей кожи инквизитора, - да вам тоже в драке досталось! Вы ранены?!

- Нет, - ответил инквизитор, поймав ее за руку. - Это старое. Этой ране три года. Они метили мне прямо в сердце.

Он с силой прижал ее ладонь к своей груди, и она услышала, как бьется его сердце - ровно и спокойно.

У инквизитора были очень спокойные губы и глаза. Но коснувшись его сердца, женщина с криком отпрянула, потому что ощутила его печаль и тяжелую, черную, как смола, тоску. Яркий образ мелькнул в ее воображении, рыжие кудри и зеленый шелк, расшитый тонкой вышивкой, словно растворенный в свете солнечного утра, и нежный голос, посмеиваясь, шепнул: «Тристан! Тристан!»

Молодая женщина вдруг поняла, что инквизитор невероятным образом затащил ее в ванну, к себе, в горячую воду, уложил к себе на грудь, и теперь его снежно-белые руки бесследно исследуют ее тело, поглаживают сквозь намокшую одежду.

Дрожа, будто ванна полна льда, женщина слышала, как инквизитор дышит, наполняя горячим дыханием ее волосы, - возбужденно, даже агрессивно, - и чуть касается мягкими губами ее ушка, ее напряженной шеи.

Его горячие ладони взобрались по ее талии, схваченной жестким корсетом, к ее часто вздымающейся груди и нахально извлекли ее из-под мокрой блузы. Женщина шумно ахнула и выгнулась, извиваясь от стыда, страха и возбуждения, когда его пальцы нащупали ее соски и вкрадчиво сжали их, дразня.

Вцепившись руками в борта ванной, женщина постанывала, беспомощно глядя в потолок. Сил оттолкнуть мерзавца у нее почему-то не было; мокрые юбки, плавающие, словно медузы, в воде, сковывали ее движения и были невероятно тяжелы.

Наслаждение накатывало на нее волнами; с каждым прикосновением, с каждым движением белоснежных пальцев женщина кричала от удовольствия, извиваясь и стискивая колени, погибая от желания. Будучи замужем, она никогда не испытывала такой нежной и страстной ласки. И то, что творили с ней лаковые руки инквизитора, казалось ей невероятным, небесным блаженством.

Инквизитор вошел во вкус; он куснул ее в шею, агрессивно и страстно, припал долгим поцелуем, лаская грудь, поглаживая острые соски, блестящие в ночном свете от воды. Удовольствие, которое он доставлял ей такой немудреной лаской, казалось, поднимает ее дух до небес.

Она беспомощно стонала, будто прося о пощаде, но инквизитор был неумолим. Под его руками треснули шнурки, стягивающие корсет, горячая ладонь нырнула туда, прижимаясь к ее голому телу, а вторая ладонь скользнула по ее бедру. Женщина в панике забилась, задргала ногами, чувствуя, как он без труда добирается до голого тела, не запутавшись в мокрых юбках, и сжимает руку на ее бедре, прихватывает высоко, касаясь пальцами лобка, стыд-то какой!

Он ловко просунул свои колени между ее и развел ее ноги так развратно, что она ощутила себя стыдливой невинной девственницей на ложе перед искушенным развратником.

Она хотела выкрикнуть, но не смогла. Инквизитор повернул ее лицо к себе и поцеловал - долго, слишком изощренно, как не целовал ее никто иной, никогда. Обручальное кольцо ярко поблескивало на его белоснежном пальце, но отчего-то женщине не казалось, что то, что они

сейчас делают, это неправильно. В страстной ласке инквизитора не было пошлости и грязной скотской похоти. Движения его были неторопливы и осторожны.

«С мужем бывает противнее», - почему-то подумала молодая женщина, краснея, но покоряясь его ласкам.

Она билась и извивалась, но он словно не замечал ее стыдливого сопротивления. Его ладонь, добравшись до ее живота, вкрадчиво и медленно скользнула меж ее разведенных ног, и девушка едва не кончила, ощутив, как пальцы инквизитора погружаются в ее тело.

Он поглаживал ее клитор, катая его, как горошинку, чуть прижимая, и женщина скулила и виляла бедрами, наверное, так откровенно и бессовестно впервые в жизни, желая, чтобы это удовольствие никогда не кончалось. Она сама откинулась на грудь инквизитора, зажмурила глаза и, разведя дрожащие колени шире, приняла еще один его поцелуй - как награду за свою покорность.

Одному небу было известно, чем его ласки были лучше ласк ее мужа, да только молоденькая женщина едва не упала в обморок, доведенная руками инквизитора до умопомрачения. А когда его вставший член коснулся ее ягодиц, она оглушительно взвизгнула, и из глаз ее брызнули слезы, когда она ощутила, как его член погружается в нее.

Это было так желанно и так сладко, что женщина на миг замерла, по-новому осмысляя близость с мужчиной, по-новому ее ощущая и принимая.

...И суровый голос инквизитора, зовущий ее, показался ей наказанием и карой, потому что он безжалостно вытряхнул ее из яркого и сладострастного видения, и женщина, хрипло дыша, приходя в себя, отшатнулась от ванны, понимая, что все, что было - всего лишь ей привиделось.

- Что с вами? - настойчиво звал ее чертов альбинос, прогоняя своим голосом остатки чудесного видения. - Вам плохо? У вас видение? Что с вами?

Женщина отступила от ванны, безотчетным движением проведя ладонью по лбу.

- И в самом деле, - прошептала она слабым голосом, ощущая, как трясутся у нее ноги, и как бросает ее в дрожь от прикосновения к мокрому пятну на платье, непонятно как тут оказавшемуся. - Всего лишь видение...

В памяти ее промелькнуло ощущение того, как жесткий член инквизитора проникает в нее, и женщина едва устояла на ногах, потому что живот ее скрутило сладким спазмом. Это было слишком реалистично, настолько живо, что она могла бы поклясться, что была с ним и занималась любовью.

«Стыд-то какой! - в панике думала она. - Не приведи магия, инквизитор поймет, что именно мне привиделось! Наверное, он озверееет от ярости и тогда мне точно не избежать костра!»

- На вас лица нет, - произнес инквизитор сурово, безо всякого стеснения поднимаясь из ванны. - Что там было? Что вы видели?!

Глянув на голый живот мужчины, и чуть ниже, женщина ощутила, что ноги ее совершенно не держат, и тотчас попыталась упасть, но выпрыгнувший из воды инквизитор не позволил ей этого сделать.

Он сгреб ее в охапку и потащил к кровати, чтоб устроить поудобнее - вот же дьявол! Этого еще не хватало!

Память ее снова предательски кольнуло видение того, как он овладевает ею, как давит на бедра, придерживает за живот, вынуждая принять его член, и женщина снова вскрикнула, поглощенная магическим удовольствием. Видение, такое живое, такое яркое, не отпускало ее, цеплялось за ее разум все сильнее, и ее счастье, что это были не ее мысли, а послание магии, которое инквизитор прочесть не мог.

- Вы менталист, так? - сказал инквизитор, уложив женщину на постель и кое-как прикрывая свою наготу какой-то одеждой. - Вы можете предвидеть будущее и заглядывать в прошлое?

- Очень слабо, - попыталась возразить женщина. - Чаще всего, это какие-то непонятные, путанные картинки, и непонятно, сбудется увиденное или нет... Скорее всего, нет, скорее всего, это только вероятность, которая могла бы быть...

Женщина сконфужено умолкла. Конечно, то, что она увидела, несбыточно. Этого еще не хватало! Спать с инквизитором! У нее, в конце концов, муж есть! И нет, любовь тут не причем. Но порядочность, чувство долга... нет, нет, думать об инквизиторе грешно!

- Слабо?! - меж тем насмешливо воскликнул инквизитор. - Да вас чуть не стерло магией! Что, что вы видели? Это было будущее?

- Нет, прошлое, - краснея, ответила женщина. - Это не имеет никакого значения... для вашего расследования. Просто эпизод из прошлого.

Она вдруг поняла, что коснувшись инквизитора и его печальной тайны, она нечаянно подсмотрела маленький кусочек его счастливой семейной жизни. И его ласки, его поцелуи, его страсть - это все не ей предназначалось, а той, погибшей...

«Как странно, - почему-то подумала она, сквозь опущенные ресницы тайком наблюдая, как инквизитор спешно одевается. - Такой беспощадный, такой жесткий и суровый - и такой нежный... Держу пари, он не хотел бы, чтоб его враги знали это».

- У вас отличные, глубокие способности, - сказал инквизитор. Он натянул штаны и сорочку и теперь его можно было считать более-менее прилично одетым. - Почему они не развиты, почему вы не умеете ими управлять?

- Так ведь Патрик, - сказала женщина слабым голосом, усаживаясь на постели. - Он говорил, что это нельзя, что это привлечет демонов и злобных духов... Он запрещал развивать такие способности у детей, и моим родителям запретил тоже...

Инквизитор строго хмыкнул, покачал головой.

- Странное какое поведение, - заметил он, - для того, кто призван служить магии. Запрещать своей пастве развивать те дары, что магия вложила в каждого из них.

- Но он служил! - горячо вступилась за Патрика женщина. Инквизитор насмешливо приподнял бровь, недоверчиво хмыкнул, и женщина с жаром закивала. - Еще как служил, рискуя своей жизнью! А иначе кто бы слушал его? Он защищал нас от тех, кто живет во мраке, и защищал хорошо. иначе весь город давно вымер бы, чудовища утащили бы во мрак всех жителей.

- Вот как? И кто же такой особенный живет во мраке?

- Мы не знаем; никто не знает, и Патрик тоже. Мы называем их Пожирателями.

- Что же они пожирают?

- Людей; самую их сущность, - с дрожью в голосе ответила женщина. - Они являются по ночам из тумана, как вы сегодня. Если припозднится путник, или кто-то окажется вне стен своего жилища, Пожиратели настигнут его, заиграют, закружат, измучают. И даже если человеку удастся сбежать, он все равно обречен. Стоит ему посмотреться в зеркало, как он исчезает. Они утягивают его в свой мир, и кто знает, какие муки его там ждут. Поэтому я сегодня поспешила вам открыть - боялась, что Пожиратели вас учуют, и тогда конец вам.

- Какая странная магия у этих Пожирателей, - меж тем скептически отозвался инквизитор. - Если жилище способно ее отпугнуть. Так они не могут пройти сквозь стены? Не могут выломать дверь, разбить окно, чтоб добраться до жертвы, которая им приглянулась?

- Не могут, - подтвердила женщина. - И в том заслуга Патрика. На наших домах он начертил особые метки, на каждом свою. Пожиратели, заведя их, словно слепнут. Кружат, беснуются, но не могут переступить через невидимую защитную линию. Так что как бы ни был виноват Патрик, все-таки город видел от него немало добра и пользы. Может, он оттого и казнил людей, что и сам не знал, откуда ждать беды...

Инквизитор снова скептически хмыкнул.

- Слишком самонадеянно бороться с тем, о чем ничего не знаешь, и не просить помощи, скажем, у высшего Инквизитория.

- Кто поехал бы в нашу глушь?

- Я же приехал.

- Вы приехали по своему делу, а не чтоб нас защитить!

- Так вы и не просили о защите! А те, кто просил - им я ни разу не отказал. Тайные знаки, значит, - протянул он задумчиво. - А знак, похожий на мой, вы видели?

- Какой знак? - произнесла женщина и покраснела.

- Что значит - какой? - удивился инквизитор. - Вы же видели метку на моем теле. Вы коснулись ее рукой. Вы не могли ее не заметить!

- Что? - голос женщины предательски охрип, и инквизитор вскинул брови.

- Что? - переспросил он.

- Метка, - пробормотала женщина. - О... я думала - это мне привиделось...

- Привиделось? - переспросил инквизитор, с подозрением рассматривая собеседницу. - А! Так в вашем видении был я?! Вы думали, что это видение, когда касались меня?

Женщина вспыхнула до корней волос от стыда.

«Касалась! Это мне не почудилось, я действительно трогала его, вот стыд-то! - думала она, припоминая исступленный, полный огня взгляд мужчины, сильную руку, удерживающую ее ладонь напротив его быстро бьющегося сердца и влечение, невероятное, не поддающееся осмыслению и подавляющее ее и без того слабое сопротивление. - Да это он меня приколдовал! Приворожил, подманил! Это он меня захотел! Поэтому я увидела... это...»

- А! Так я был еще и не одет, - зловеще заклекотал инквизитор, весело поблескивая глазами. - И часто вы ведете себя так смело, как в ваших видениях?

- Эй! - разозлилась она. - Я приличная замужняя женщина!

- Это я уже слышал, - произнес инквизитор как-то особо сладко и вместе с тем едко. - Хорошо. Вы будете моей...

- Ах, вот как, господин Инквизитор! Думаете, ваше высокое положение, личное обаяние и привлекательная внешность позволят вам сделать своей любую женщину города?! Я замужняя дама, между прочим! И мой ответ вам - нет!
- ... моей помощницей, - договорил Инквизитор, насмешливо изогнув бровь. - Но ход ваших мыслей мне нравится. Вы находите меня привлекательным? Это приятно.

Молоденькая женщина гневно уставилась в лицо нахала-инквизитора - и снова стыдливо опустила глаза, багровея от стыда и сильнейшего влечения к этому странному, заволаживающему человеку.

- Вы же должны знать, что привлекательны, - буркнула она.

- Что такого особо привлекательного вы рассмотрели на моей физиономии? - весело поинтересовался он.

- У вас породистые, правильные, красивые черты лица, - буркнула женщина. - Высокий ровный лоб, высокие скулы. Густые шелковистые волосы. Тонкий прямой нос, красиво очерченные губы. Выразительные глаза... природа потрудились на славу, творя вас. Такая статная и такое мужественное лицо! О, да прекратите же пытаться меня! - гневно вскрикнула она, понимая, что коварный инквизитор снова наложил на нее какое-то тайное заклятье, отчего она болтает без умолку то, что должно было бы быть спрятано глубоко в душе. - Это нечестно, это бессовестно и подло!

- Это почему же? - невинно поинтересовался инквизитор, и она успела заметить, как он прячет в рукав инквизиторскую волшебную палочку. - Разве делать комплименты человеку - это плохо? Мне было очень приятно слышать это.

- А мне неприятно говорить!
- Разве? Мне показалось, что у вас был мечтательный вид, - ехидно заметил инквизитор.
- Как будто вы что-то хотели...
- Провести пальцем по вашим губам? - произнесла женщина. - Они кажутся такими мягкими. Словно шелковые... да черт вас дери, мерзавец!! Я же просила! Прекратите заколдовывать меня!
- Что? - невинно вытаращил глаза инквизитор. - Я ничего такого не делаю. Вы просто, видимо, почувствовали, что мне можно довериться, вот и разоткровенничались со мной. Может, давно не говорили по душам ни с кем?
- А с кем тут поговоришь? С мужем? Да это просто шкаф с антресолями. Пыльный, пустой, старый и скучный. Разговорить его и добиться от него хотя бы ласкового взгляда просто невероятно...
- Даже так?
- Демоны вас разорви, прекратите!!!
- Да что прекратить? Я просто вас слушаю. Даже вопросов вам не задаю.
- ... а Патрик таскается сюда за дешевой выпивкой и затем, чтобы ухватить меня за зад,
- доверительно произнесла женщина и закрыла красное от стыда лицо руками. - О-о-о, небеса святые, хватит...
- Ну, хватит, так хватит, - согласился инквизитор. - И, кстати, напоследок: а что за видение посетило вас? Не то, чтобы мне было сильно любопытно, но...
- Женщина чувствовала, что признание вот-вот сорвется с ее губ. Инквизитор, подлец, с хитрым прищуром внимательно наблюдал за нею, и молчал, но она чувствовала, как его всеобъемлющая магия щекочет ее, подталкивает, шевелит ее губами, заставляя выдать секрет.
- В моем видении, - выпалила женщина, отняв от лица руки, - вы сидели в этой самой ванне, а я... а я вам отдавалась!

Глава 2

Получив ответ на интересующий его вопрос, инквизитор словно остыл, охладел, упрямился в непроницаемую скорлупу изо льда и пепла, и женщина с облегчением отметила, что его всеобъемлющая магия схлынула, как волна с берега. И говорить откровенные вещи совсем не хочется.

- Зачем вы так!.. - укоризненно выпалила она, отходя от мучительного стыда. - Зачем было выворачивать мою душу наизнанку, зачем было оголять самые интимные мысли и чувства?!

- Зачем было мечтать оказаться со мной в постели? - огрызнулся инквизитор холодно.

- Я не мечтала! - женщина яростно топнула ногой. - Не мечтала! Это было видение, а вы-то не Патрик, вы должны знать, что видения не подвластны разуму! Я не виновата, что мне это привиделось!

- Я вас не виню, - снова огрызнулся инквизитор, небрежно натягивая на плечи свое черное пальто. - Я вовсе не старался тщеславно убедиться, что вы залюбовались на мои несомненные мужские достоинства, как вы об этом подумали. Я должен был убедиться, что в ваших мыслях нет ничего опасного. Вы что, не расслышали? Я пожелал вас в помощницы - должен же я быть уверен, что вы не сосуд зла! Кстати, как ваше имя? Я представился, могу назвать себя еще раз - Тристан Пилигрим, Первый, если угодно. А вы?..

- Софи! - яростно выпалила она. - Меня зовут Софи! И я совсем не собираюсь быть вашей помощницей!

- А это не обсуждается, - спокойно ответил инквизитор. - Мне нужны глаза и уши среди местных, кто-то, кто хорошо все и всех знает. Вы подходите как нельзя лучше... Софи.

Он подошел к разъяренной женщине вплотную и заглянул в ее глаза так глубоко, что казалось - его взгляд касается ее души.

- У инквизиторов, - медленно и веско произнес он, - свои методы допроса. Я пожил достаточно, видел многое. Меня не смутить интимными подробностями жизни простого человека. Ни холодностью мужа, ни похотливостью поклонников. Ни потаенными желаниями по отношению к другим мужчинам, пусть даже и ко мне. При наличии импотента-мужа это как раз нормально и ожидаемо от молодой женщины, - Софи даже захлебнулась от ярости - столько безразличного бесстыдства было в словах инквизитора. - Так что отбросьте ваш стыд и ваши терзания. Я вас не осуждаю.

- Вы!.. - выкрикнула Софи, не находя подходящих слов, чтобы выразить всю глубину ее возмущения. - Вы! Вы надутый самодовольный индюк! Причем тут ваше смущение?! Вас это не смущает - это *смущает меня*! Мне не нравится, что кто-то подсматривает за моими тайными чувствами и мыслями! Или мои чувства в расчет не берутся?!

- В точку, - кивнул инквизитор. - Не берутся. И достаточно яростных криков. Я сделал это только раз, чтобы убедиться в вашей невинности. Больше я так делать не стану - не думаете же вы, Софи, что мне правда интересны подробности ваших отношений с этим рыжим чучелом? Так что можете расслабиться и мечтать о чем и о ком угодно. От вас мне будут нужны только сведения и ответы на вопросы, вот и все. Ну, еще и кров и стол. Вот теперь точно все.

- Да вы не слышите, что я вам сказала?! Нет! Я не хочу вам помогать, я не хочу иметь с вами никаких дел! - выпалила Софи. - Поищите себе другого помощника.

- Я сотру защитный знак с вашей гостиницы, - пригрозил инквизитор преспокойно. - И отрублю вашему Патрику руки, чтоб снова не нарисовал. Не знаю, сожрут ли вас таинственные Пожиратели, но разорит это вас точно.

- Шантажист! - яростно выдохнула Софи, понимая, что ее загоняют в угол. - Вы не осмелитесь этого сделать! Вы не подвергнете людей опасности! Вы не посмеете!

- Интересно, кто в этом городишке, где на костре жгут людей за то, что они левши, мне сможет помешать? Для достижения цели все средства хороши, - парировал инквизитор. - Ну, так что, по рукам?

- А куда это вы собрались на ночь глядя?! - всполошилась вдруг Софи, заметив, что инквизитор полностью одет и готов к выходу. - Вы что, не слышали меня?! В такие сырые туманные ночи за стенами дома не безопасно! Хотите сразу щегольнуть своей силой?! Это глупо и...

Инквизитор уничтожающе посмотрел на Софи, да так, что та замолкла.

- Я ходил по Аду без сопровождающих, - процедил он высокомерно. - Вы что, правда думаете, что какие-то местные дураки, вырядившиеся в грязные простыни и пугающие доверчивых обывателей, смогут мне причинить какой-то вред?! Оставьте свою бесполезную заботу при себе. Я точно могу за себя постоять; встречаться с демонами и нечистью - моя работа.

Он круто развернулся и направился к выходу.

- Так куда вы, демоны вас подери, направились!

Софи кинулась за инквизитором, но нагнать его, широко шагающего, смогла только на лестничном пролете. Сонливость и усталость с нее как рукой сняло. Беспокойство за инквизитора захлестывало ее разум горячими волнами, от которых хотелось или помереть на месте сию минуту, или вцепиться в рукав его черного пальто и никуда не пускать.

- Посмотреть, - небрежно ответил Тристан, - нет ли каких следов. Если очень повезет - то и Пожирателей было б недурно увидеть. Пожалуйста, не запирайте двери на ночь, я не хотел бы никого будить и тревожить, когда вернусь.

- Но если Пожиратели...

- Я начерчу на вашей гостинице такой защитный знак, что и демоны побоятся к ней приблизиться. Не бойтесь; я не чувствую опасности.

Он спешно спустился по лестнице, оставив растерянную и слегка напуганную Софи на лестничном пролете.

Стоило стихнуть его шагам, как дверь комнаты мужа Софи распахнулась, как по мановению волшебной палочки, и сам он, красный от гнева, со встрепанными волосами, возник на пороге.

Это был высокий, крепкий черноволосый мужчина, старше Софи лет на пятнадцать, еще не старый, но уже солидный, зрелый, в самом расцвете лет. В нем не было легкой подвижности юности, зато было полно старческого недоброго брюзжания.

- Та-ак, - зловеще протянул он, сунув большие пальцы рук в кармашки жилета и зловеще покачиваясь на носках ботинок. - На часах полночь, а ты все еще не в постели?! Да еще и таскаешься за посторонним мужчиной, шлюшка!

- Я вовсе, - жалко пролепетала Софи, покорно опуская голову и перебирая трясущимися пальцами краешек передника, - я не таскалась, что вы такое говорите!

Выволочки от Ричарда были делом обыденным; хитрый, как краб, он целыми днями прятался в своей комнате, покидая ее изредка - пообедать и выехать по делам. Он мог слышать, как к Софи пристает Патрик или какой другой подвыпивший посетитель, но вступаться за нее не спешил. Зато потом, наедине, мог закатить ей скандал, а то и отвесить звонкую оплеуху, мстя за собственную осторожную, продуманную трусость.

- Я все слышал, - с победным видом выкрикнул он, словно ему доставляло радость уличить свою жену в неверности. - Ты ему на шею вешалась! Требовала сказать, куда он пошел, словно он тебе муж! Это что, поведение приличной женщины?! Дешевая потаскуха, ты должна мне ноги целовать за то, что я женился на тебе!

- Женились вы на мне, - прогудела себе под нос Софи упрямо, хотя эта дерзость грозила ей побоями, - потому что захотели мою гостиницу в качестве источника доходов! И это смотря

еще кто кому должен ноги целовать! Я кручусь целыми днями, работаю, не покладая рук, а вы лишь деньги считаете! Да еще и упрекаете меня во всех смертных грехах!

- Мерзавка! Ты как смеешь раскрывать свой грешный лживый рот?! - взревел Ричард, замахиваясь.

Софи зажмурилась, ожидая, что пощечина обожжет ей щеку, но удара не последовало.

Из темноты, окутывающей нижний пролет лестницы, вынырнул инквизитор. Сначала проступило его белое лицо, затем блеснули алые глаза и пуговицы на его пальто, а потом появился и весь он.

Ричард, завидев нового постояльца, тотчас же спрятал руку за спину и натянул на лицо гаденькую приветливую улыбку.

- Что здесь происходит? - поинтересовался инквизитор сурово.

- Так, ничего, - ответил Ричард. - Небольшая семейная сцена.

И он зло посмотрел на Софи, всем своим видом давая ей понять, что раскрывать рот ей не стоит.

Но Тристану не надо было ничего объяснять, слышал достаточно и дураком не был.

- Не смейте, - процедил он, уничтожающе щуря алые глаза, - трогать эту женщину!

Ричард недобро усмехнулся, смерив взглядом изящную фигуру Тристана.

- А ты кто таков, - внезапно грубо произнес он, - чтобы вмешиваться в мои отношения с моей женой? Она провинилась, и я имею все права...

- Все права, - рыкнул Тристан недобро, поднимаясь еще на ступеньку, - здесь имею я, как и во всех землях, что принадлежат династии Зимородков. Это раз. Второе - вы неподобающе непочтительны ко мне. На первый раз я вам прощу, но помните - к инквизиторам обращаются иначе. Желательно, стоя на одном колене и склонив голову!

Ричард мгновенно потускнел и как будто бы стал ниже ростом, съежился от страха.

- Простите, ваша милость! - выпалил он поспешно. - Я же не знал!..

- Вот с этих пор знаете, - холодно ответил Тристан. Черный его меч, словно сам по себе живущий, вдруг оказался в руке инквизитора, и тот, неспешно водил им по груди Ричарда, острием повторяя золотое шитье на его жилете. - Эта женщина назначена мной в помощники инквизитора. Теперь она принадлежит мне - до тех пор, пока мне не вздумается ее отпустить. Она будет жить отдельно от вас, мне прислуживать и делать то, что я велю. Ясно?

- Но это моя жена, - попытался возразить Ричард. - А супружеский долг...

- Что?! - зловеще проклекотал инквизитор, строя ужасную злую рожу. - Супружеский долг, когда у вас под крышей живет инквизитор?! Порочный похотливый грешник! Какое чудовищное неуважение! Никаких женщин! Не смейте ее касаться, если не хотите познать мой гнев!

- Да, ваша милость, - пролепетал Ричард.

- Идите с глаз моих долой! - прикрикнул Тристан, и Ричард, деревянно поклонившись, юркнул в свою комнату.

Софи перевела дух.

- Спасибо за заступничество, - шепнула она заговорщически, - но зачем вы сказали Ричарду, что... ну, что нельзя?! Это ведь ложь, вы же сами были женаты!

- Что? - удивился Тристан. - Я просто соврал, пользуясь его невежеством, чтобы он от вас отстал и не запугивал. Если вы все время будете трястись от страха и думать о гневе мужа и наказании, толку от вас будет маловато.

- Соврал?! - поразила Софи.

- Ну что?! Вашему Патрику можно, а мне нет, что ли?!

И Тристан, рассерженно фыркнув и тряхнув головой, снова сбежал вниз по лестнице и растворился в ночном мраке.

**

Тьма наступала.

Туман окутывал все, рвался клочьями, развешивался на ветвях деревьев рваными сава-нами покойников. Тристан шел по пустынной тихой улице города, и ему казалось, что его собственная тень крадется за ним вслед, боясь жуткой зловещей тишины.

Тристан же только посмеивался, предвкушая драку, которую желал всем сердцем. Привычно заныл мизинец, тот самый, который когда-то был отсечен в драке, заменен золотым наперстком и пришит волшебной иглой Ветты. Потемнело в глазу и нестерпимо зачесался кончик носа. Старые раны напоминали о себе и о допущенных ошибках. Нужно быть внимательнее, да, чтобы никто не отхватил в поножовщине кусок носа... Ведь волшебной нити и иглы больше нет, никто не починит, не вернет приличный вид.

Он слышал острожные крадущиеся шаги за своей спиной, шорох осыпающихся камешков, чувствовал недобрые взгляды, сверлящие его спину, но не оборачивался, чтобы не показывать недоброжелателям, что чувствует их. Единственное лишнее движение, что себе позволил - так это чуть шевельнул плечом, двинул рукой, выпуская из рукава в ладонь нож.

Обычный нож.

Таковыми дерутся в темных переулках головорезы, бандиты, воры, убийцы и все те, у кого кровь слишком горяча и душа просится в небо поскорее. Тристан, хоть и рос в королевском дворце, хорошим воспитанием не отличался, а курить и драться на ножах научился быстрее, чем читать и писать.

И сейчас ему пригодился бы именно нож; не черный строгий инквизиторский меч, а простой разбойничий нож, острый и крепкий, с рукоятью, удобно лежащей в ладонь. Потому что следили за ним не призраки и не демоны, а обычные люди, из плоти и крови.

- Отличная ночь для того, чтобы пустить кому-нибудь кровь, - произнес Тристан кровожадно, усмехаясь совершенно по-разбойничьи, склоняя беловолосую голову, чтобы никто не угадал адской усмешки на его губах, такой неподходящей для строгого, благообразного инквизитора. Кровь его кипела от предвкушения драки, от жажды мести, от желания чужой боли. - Вы ответите мне за Изольду, псы... Сегодня же будете показывать свои дешевые фокусы сатане.

Он шагал по улице, не таясь и усмехаясь, и улыбка его не предвещала ничего хорошего для тех, кто вздумал его пугать.

Недоброжелатели осмелели, зашевелились, уже не осторожничая. Заржал конь; Тристан обернулся и увидел всадника на черном горячем скакуне. Ночной свет обнимал его, на ветру бились тонкие, как черный дым, рваные ленты, из которых была пошита его одежда.

- Обычное пугало для темных селян, - процедил Тристан тихо, усмехаясь и чуть отступая назад. - Ну, давай, напугай меня. Заставь бежать.

Со стороны могло показаться, что он - красивый чистенький и опрятный приезжий, - напуган и потрясен, но этот неверный шаг нужен был для того, чтобы обмануть соперника, внушить ему, что одинокий путник парализован от страха и ничего не сможет ему сделать.

Сбруя коня была похожа на древние шипастые латы, лошадь - громоздкое ряженное животное, - казалось каким-то мифическим чудовищем. Пуская огненными ноздрями клубы пара, конь фыркал и бил копытом, и Тристан отступил еще на шаг, медленно, осторожно, заманивая в ловушку нападающего.

Тот поверил; наверняка ведь знал, что перед ним приезжий инквизитор - такие вести быстро разлетаются даже по спящим городам, - но много лет, что он держал город в страхе, притупили его бдительность. Он уверовал в свою непобедимость и неуязвимость, а потому весьма самонадеянно дал коню шпоры и помчался прямо на замершего на мостовой Тристана.

Тристан не двигался; в руке всадника, погоняющего храпящего коня, он увидел магический кнут - вещь слабая, годная лишь для того, чтобы напугать и отнять немного магии и очень много сил. Но все же сечет он больно; очень больно...

В памяти Тристана вспыхнуло яркое видение - красный магический ожог на белоснежной коже мертвой прекрасной руки.

И так же ярко вспыхнула его ярость, затопив разум.

- Я тебе этот кнут затолкаю в глотку поперек! - взревел он, бросившись вперед.

Черной юркой тенью он поднырнул под черное чудовище, полоснул безжалостно по конскому брюху, вспарывая шкуру и перерезая подпругу седла. Могучий зверь с громовым ржанием от боли взвился на дыбы, танцуя на задних ногах и скидывая наездника.

Тот, нелепо маша руками, сверзился на мостовую, грохнувшись об булыжники всем телом, приложившись затылком, и затих.

Зато вместо него появились еще и еще всадники, трое или четверо, все как один ряженные и с кнутами. Кованые копыта лошадей грохотали по мостовой, магические кнуты свистели, разгоняя ночную тишину.

- А, так вы толпой сечете своих жертв, - шепнул Тристан, окровавленной рукой отирая губы. - Вот почему люди лишаются сил и не могут том противостоять магии...

Впрочем, болтать было некогда. Окруженный, Тристан завертелся на месте, старясь угадать, кто первый на него набросится.

- Давайте, идите ко мне...

Он подхватил магический кнут, оброненный сбитым с коня негодяем, и, взмахнув им над головой, оглушительно щелкнул, метя по ногам лошадей. Звонкое эхо с треском порвало тишину, заржали лошади, перебирая обожженными ногами.

Всадники решили атаковать Тристана тем же способом, каким он отбивался от них. Но он, разгоряченный, разъяренный, озверевший, словно не замечал ударов их хлыстов; те немногие магические ожоги, что достигали верткой цели, не отнимали у него много сил.

- Чайной ложкой океан не вычерпать!

Один из хлыстов захлестнулся вокруг белоснежной ладони, и Тристан, крепко зажав его, рванул на себя, сдернув всадника с седла под ноги его лошади. Затем он с яростным ревом ожег магическим ударом коня, и тот взвился на дыбы, едва не затоптав сброшенного седока.

Возникла свалка; встретив серьезное сопротивление, нападающие бестолково закрутились, понукая храпящих коней, которых Тристан сек и сек, заставляя избавляться от всадников.

- Спешиться! Спешиться! - прозвучал приказ, и негодяи спрыгнули с седел на мостовую. - Он один! Прирежем его!

- Давай, рискни приблизиться ко мне, - огрызнулся Тристан, распаленный дракой.

Ряженные, обозленные от первой неудачи, окружили его, приближаясь осторожно. Магические хлысты поблескивали в их руках пробегающими по кнотовищу вспышками магии. Один из ряженных прыгнул вперед, замахиваясь - и кнут Тристана захлестнулся у него на горле, душа и обжигая, лишая той немногой магии, что теплилась в его теле. Тристан рывком приблизил к себе человека, так близко, что ощутил на своей щеке его сиплое горячее дыхание, а тот наверняка учуял запах крови, что исходил от Тристана. На миг они сплелись, словно добрые друзья, в объятьях друг друга, столкнулись, а нож Тристана, поздоровавшись с брюхом ряженого, пробил под ребрами, коварно кольнув сердце, и почти сразу же выскользнул из тела, отняв жизнь в единый миг.

Ряженный упал мертвым, даже не поняв, что произошло, а Тристан откинул кнут и перекинул окровавленный нож в другую руку.

- Что же ты, инквизитор, - укоризненно прошептала тьма. - Кроважаднее, чем головорез с большой дороги...

- Одно не помеха другому, - ответил Тристан и страшно расхохотался, учуяв азарт охотника и дрожь жертв в нападающих. - Я и демоном побывал. И все же служу магии и людям.

Трое оставшихся, набравшись смелости, напали разом, расписывая инквизитора ударами своих хлыстов. Но боль только сильнее ярила его; вертаться волчком, чтобы ожоги не доставали

его, Тристан нападал на ряженных, и его нож перешибал кнутовища, кромсая магическое дерево и пальцы, сжимающие его.

В закоулке вмиг стало шумно; вопли раненных, визг кнутов, крики ярости - все смешалось в единый клубок драки. Лишенные магических хлыстов, нападающие тоже были вынуждены похватать ножи, такое грубое, примитивное оружие. Посеченные окровавленные пальцы нападающих скользили по рукоятям, их ладони теперь здорово напоминали искаленную руку инквизитора, когда-то лишившегося пальца в бою...

- Где же твоя магия, инквизитор, - кричали они, целя свои ножи в сторону Тристана. - Сражайся как маг!

- Маги со свиньями не дерутся! - огрызнулся Тристан.

Все свелось к банальной свалке, к поножовщине, и это пугало нападающих. В неистовой драке, в которую инквизитор их втянул, они поняли, что он хочет не просто их смерти - он хочет попробовать их крови.

Размахивая клинком, отсекая их руки и лица, пуская кровь, нанося много мелких болезненных ран, он упивался разливающимся сладковатым запахом, страхом врагов и вкусом их крови. Нанеся очередную болезненную рану одному из врагов, он с жутким хохотом облизнул окровавленное лезвие, и глаза его вспыхнули жутким светом.

- Да ты хуже проклятого демона! - взвизгнул один нападающий. Вместе с его кровью инквизитор словно выпивал его магию и его жизнь, и человек слабел, руки его опускались, плечи опадали. - Проклятый призрак!

- Сколько раз я это слышал! - страстно шепнул инквизитор. - Проклятье - это лучшее, что со мной случилось в жизни!

Окровавленная рука его обхватила голову ослабевшего человека, стиснула, плюща, холодеющие щеки и становящиеся жесткими, неживыми губы, а вторая рука одним резким и молниеносным движением прочертила глубокую алую полосу по горлу ряженого негодяя, выпустив фонтан крови.

В тот же миг в закоулке стало тихо, и инквизитор, тяжело дышащий, окровавленный, замер, прислушиваясь к биению крови в висках.

Затем, пошатываясь на длинных ногах, шагнул к первому, сбитому с коня.

Грубо ухватил его за гудки, встряхнул, прижал окровавленное лезвие к горлу.

- Просыпайся, - нежнейшим голосом произнес инквизитор, сверкая алыми глазами. - Вставай, моя спящая принцесса! Не то я ножом нарисую тебе новое личико!

Пленник инквизитора, видимо, только притворялся, что потерял сознание. Стоило окровавленному лезвию ножа лишь коснуться его щеки, как ряженный с громким криком поднялся с земли, толкнувшись спиной.

Но больно много шевелиться инквизитор ему не позволил; со смехом он коленом придавил ему грудь, обездвижил своего врага. Сверкая недобрыми глазами, он, не особо осторожничая, вспорол маску, пошитую из тонких рваных лент, на лице своего пленника, сорвал ее, и под устрашающим нарядом обнаружил вполне человеческую голову.

Это был мужчина средних лет, краснолицый и усатый, с вытаращенными от страха глазами. Тристан тихо, адски опасно рассмеялся, водя ножом по небритой щеке ряженого и потешаясь над его испугом.

- Ты не имеешь права! - взвизгнул плененный усач, когда лезвие щекотнуло ему шею, да пребольно, оставив кровавую полосу. - Ты поклялся служить людям, ты же инквизитор!

- О, как быстро к вам возвращается память, если приставить нож к глотке, - произнес Тристан, щуря горящие яростью глаза. - Только что держал в руках хлыст, который своим ремнем попробовал крови не у одного человека, не так ли? И вот уже взываешь к моей совести и просишь о защите...

- Ты клялся!.. Демоны и ад заберут тебя, если ты посмеешь причинить мне зло!

- Со многими демонами я с давних пор дружен, - ответил Тристан. - А ад меня выплюнул и сказал, чтоб я убирался куда подальше, потому что в аду для меня места нет. Я слишком беспокойный постоялец; так что наказанием ты меня не напугаешь. Единственное, что может меня удержать от убийства - это моя совесть. Так что попытайся воззвать к ней. Вдруг получится?

Усатый снова взвизгнул, когда под остро наточенным лезвием лопнула его кожа, и щека разошлась в странной улыбке.

- Что, - верещал ряженный, - что тебе надо, чертов призрак?! Что ты хочешь знать?!

- Я хочу знать все, - ответил Тристан. - Я очень любопытный.

Он с силой нажал на нож, и вторая щека ряженого расплзлась под его оглушительный крик.

- Неужели так больно? - притворно удивился Тристан. - Странно; я сам точил и правил этот нож. Он острый, как бритва. А острое режет не больно. Может, на другом месте попробовать?

- Сумасшедший садист, - выл усатый, мелко суча ногами.

- Когда вы убивали мою жену, - злоеще напомнил Тристан, - вы не сильно заботились о том, чтобы ей не было больно. Даже наоборот. Вы здорово помучили ее. И не подумали о том, кто у нее муж, и что вам за это грозит. Кажется, я стал слишком добрым со временем, и люди позабыли, что меня стоит бояться побольше, чем демонов запертых в аду.

Одним четким, точным ударом Тристан всадил нож ряженому в грудь, высоко, между ключицей и первым ребром, и плененный заревел, как бык, багровея еще больше.

- Вот теперь больно, теперь верю, - сказал Тристан, когда крик раненного перешел в жалкий скулеж. - Так что ты хотел мне рассказать, говоришь?..

- Как, - выдохнул раненный, заливаясь слезами, - как ты выжил, чертов белый призрак, и нашел этот город?.. Я видел - удар магии пришелся тебе прямо в сердце!

- Ах, так ты там был! Приятно узнать, что моя месть настигла именно того, кто приложил руку к этому дельцу. У меня есть свои секреты, почему магия не берет меня, - ответил Тристан, ухватившись за рукоять ножа и слегка поворачивая его. - Ну?

Пленный заорал, забился под коленом мучающего его Тристана, задрывал ногами.

- Твоя жена! - вопил раненный, корчась, потому что воспоминания причинили боль Тристану, и он щедро делился ею с пленным. - Нам нужно было ее сердце!

- Ее сердце? Зачем бы это?

Пленный, сходя с ума от боли, захохотал, как одержимый. Кровь и слезы текли по его искаженному лицу.

- Не ревнуй, Тристан Пилигрим! - выкрикнул пленный отчаянно. - Что, обидно, что мы уделили внимание ей, а тебя и не заметили?

- Очень, - спокойно подтвердил Тристан, нажимая на нож сильнее. - Так зачем вам ее сердце?

- Необычное сердце, - выдохнул ряженный, корчась. - Очищенное магией от скверны сердца вампира. Она ведь была вампиром, так, святоша? - он снова захохотал, как безумный. - Ты женился на порождении черной магии, а корчишь из себя праведника!

- Разве корчу? - удивился Тристан, садистки поворачивая нож еще раз. - Вроде нет. А жениться я могу на ком угодно. Ад, утомленный моим присутствием, разрешил мне делать все, что взбредет в голову. Я же сказал. Так зачем вам ее сердце?

- А сам как думаешь? - огрызнулся пленный. - Для магии! Необычное сердце, сердце вампира, отрёкшегося от жажды крови и от вечной жизни! Это тебе не дешевая полумагическая побрякушка!

- Что за магия?

- Мне откуда знать! Я же не маг! Я просто человек, нанятый для выполнения работы!

- Для выполнения грязной работы, - заметил Тристан задумчиво. - А знаешь, почему вы не смогли убить меня?

Он склонился к уху страдальца и шепнул зловеще и с большим удовлетворением:

- Это потому, что в моей груди бьется золотое сердце храбреца. Необычное сердце. Не дешевая магическая побрякушка. Оно вам тоже подошло бы, не так ли? И лучше б вам было выпотрошить меня первым. Но вы этого не сделали. На свою погибель.

От изумления ряженный затих, и Тристан поднялся на ноги, глядя в вытаращенные, залитые слезами глаза холодно и отстраненно.

- У тебя?! - вскричал ряженный. - Золотое сердце?! Откуда у чокнутого святоши золотое сердце?!

- Родился таким, - с нехорошим удовлетворением произнес Тристан.

Раненный, распростертый на земле, замер, мигая нервно сглатывая душащий его ком.

- Что? - холодно поинтересовался Тристан. - Мое имя стало просто звуком? Люди позабыли, что я такое и что могу сотворить? Так я напому.

- Скажи, - с силой выдохнул усатый, - скажи, как ты нашел этот город! Мы не оставили следов, мы с такими ухищрениями вывезли это сердце!.. Ты не мог найти, не мог почуять наши следы!..

Тристан насмешливо приподнял бровь.

- Не мог почуять сердце любимой женщины? - с усмешкой произнес он. - Скажи еще что посмешнее.

- Ах! - выкрикнул усатый так громко, словно нож Тристана ударил ему прямо в сердце. Вся кровь отлила у него от лица, он стал бледен так же, как Тристан, и инквизитор снова адски расхохотался, показывая ровные крупные зубы. Эта улыбка отчего-то сделала его похожим на хищного жуткого демона.

- Я вижу, ты понял, что произошло, - с нехорошим удовлетворением произнес он. - Да, это сердце тянуло меня, как магнит. Мерзавец, этот ваш граф Сольо, что должен был привезти сердце сюда, не вернется в вашу поганую шайку. Никогда. Кругосветное путешествие, чтоб замести следы после убийства особы, практически родственной королю - это хороший план, но только меня вы этим не обманули.

- Сольо! - взвыл усатый, заливаясь слезами. Видимо, упомянутый человек был ему дорог и близок.

- Какая трогательная любовь! - произнес Тристан насмешливо. - Даже странно видеть проявление чувств у такого мерзавца, как ты. Это был твой сын, полагаю? Жалко, правда, когда погибают близкие люди? Жалко и больно. Да?

Усатый не ответил, плача навзрыд.

- Я убил его. Выпустил ему кишки и перерезал глотку, - угодливо сказал Тристан. - И еще живого скинул за борт. Его разодрали акулы. Жутко не повезло. Так что ларчик, что он вез и так тщательно охранял, теперь пуст. Сердце Изольды похоронено. И тот, кого вы ожидаете с таким нетерпением, никогда к вам не вернется. И не привезет драгоценный груз.

- Ты пожалеешь об этом, святоша, - произнес раненный. В голосе его прорезались странные inferнальные нотки, окровавленное лицо задымилось, и Тристан молниеносно обернулся, кинул взгляд на стену дома.

В стеклах окна отражалась луна, превращая их в зеркало. Посмотревшись в свое отражение, усатый начал испаряться, и стало ясно - он вот-вот ускользнет, отправится к главарю и передаст то, чего тот еще не знает.

Допустить этого было нельзя. И простым ножом тут уже ничего исправить было нельзя, потому что тело усача стало призрачным, магическим. Еще миг - и он испарился бы с мостовой, залитой кровью, совсем.

Тристан резко потрянул рукой, словно птица, взмахивающая крылом, и из ладони его, словно блестящее перо, оброненное зимородком, вырвался метательный магический нож. Он пронзил грудь, сотканную из дыма, и усач, который почти перенесся в безопасное место, закричал скрипучим голосом привидения, ухватившись за рану.

Полилась кровь, и он застрял между магией и реальностью. В его глазах вспыхнул жуткий страх, потому что в руке инквизитора оказался черный тонкий меч.

- Передай привет своему хозяину от Зимородков, - произнес Тристан зло и одним ударом снес негодяю голову.

Разевающая рот, она запрыгала по мостовой, а тело с кинжалом-пером в груди испарилось и исчезло.

Тристан вернулся в гостиницу под утро, растрепанный, окровавленный, потухший.

Он медленно переставлял длинные ноги, словно на них висел огромный тяжкий груз. В руке его, крепко схваченная за волосы, болталась отрубленная усатая голова.

Софи, задремавшая в кресле у камина, встрепенулась и проснулась тотчас же, заслышав его шаги за дверями.

Увидев, в каком виде Тристан вернулся, Софи всплеснула руками и запричитала:

- Небеса святые, на кого вы похожи! Весь в крови! Испортили свое замечательное пальто! Что там произошло?! Вы читали заклатья, которые взрывали ваших врагов?!

- Нет, - грубо ответил Тристан, швырнув голову усача на пол. - Я просто воспользовался ножом.

- Ножом?! Но зачем?! Если можно было действовать магически! Вы же наверняка знаете магические заклатья...

- Я хотел подраться - я подрался, - агрессивно рыкнул Тристан, стаскивая испачканное пальто с плеч. - Лучше посмотрите на мой трофей. Это один из ваших Пожирателей. Очень сильно хотел сожрать меня, но зубы обломал. Знаете вы его?

Софи склонилась над отрубленной головой и почти тотчас же разогнулась, скрывая позывы к рвоте.

- Это один из помощников Патрика, - ответила она слабым голосом. - О небо, великая магия! Неужто он причастен к этой некрасивой истории?

- Причастен? - насмешливо воскликнул инквизитор, закатывая окровавленные рукава белоснежной сорочки. Тут же, словно и не ложился спать, очутился Густав, слуга Софи, застенчивый паренек, вступающий за оборотней. Он с готовностью притащил таз, теплой воды и полотенце, и теперь поливал Тристану на руки, смывая засохшую кровь. - Итак, мы имеем: клирика, который душит у людей своей паствы все яркие магические способности - верно, чтоб загнанный Пожирателями человек не смог сопротивляться, - его помощников, которые выбирают жертв и высушивают всю его магию, видимо, для того, чтобы кого-то усилить, и знаки на домах. Я их посмотрел; это никакая не защита. Это самая настоящая сортировка, указание, люди с какими способностями живут в этом доме, и дата, назначенное время, когда можно этого человека взять. Это не защита, Софи, это отсроченная казнь. Как курица к новому году. У всех свой час. И вы спрашиваете меня, причастен ли к этому злодейству Патрик? Я отвечу - да.

Софи в ужасе замотала головой. В глазах ее стояли слезы.

- Этого быть не может! - выкрикнула она. - Вы лжете! Это слишком чудовищно! Зачем вы были так жестоки?! Отрубить человеку голову...

- На вашем доме, - произнес неумолимый инквизитор, - написано «собственность клирика» на старом, забытом языке. Вот это чудовищно. Полная уверенность в собственной безнаказанности. Людей он держит, как овец. Этот усатый, - Тристан недобро усмехнулся, - даже припомнил, как убивал мою жену и ранил меня. Он был очень возмущен тем, что я не умер.

- Ну, хорошо, он виноват, - горячо воскликнула Софи. - Он преступник! Но вы-то! Вы ведете себя как самый жестокий головорез!

- Головорез?!

Одним прыжком инквизитор оказался рядом с Софи и та вскрикнула, стиснутая его жесткими руками.

- Ну, чем от меня пахнет, - шептал он, тиская женское податливое тело, упиваясь его запахом, зарываясь лицом в волосы Софи. - Чем пахнет от инквизитора, я спрашиваю?

Он ловко просунул ладони меж ее бедер, подкинул ее в воздух, вжался в ее тело, и вот Софи уже перед ним, с раздвинутыми ногами, обнимающими его жесткое сильное тело.

- Женщина, - выдохнул он, прижимаясь лицом к ее часто вздымающейся груди, стискивая жесткие пальцы на ее ягодицах. Софи забилась, застонав то страха, чувствуя его прикосновения на тех местах, какие и мужу-то она позволяла трогать после некоторого сопротивления.

- Нежная, сладкая женщина... Так чем пахнет от инквизитора? Кровью? Смертью? Болью? А *она* принимала меня любого. И за это я готов отрубить еще не одну голову!

Он лихорадочно раскидывал юбки, добираясь до живого, теплого тела Софи, ногтями проводя на ее бедрах чувствительные полосы, и она не выдержала. С криком она притянула к себе Тристана, обхватив его за шею, впилась в его губы поцелуем, жаждая получить ту изощренную ласку и блаженство, что видела в своем видении.

На краткое мгновение Тристан замер, но ласка была слишком горяча и желанна, слишком соблазнительна, и после мига колебания он ответил на ее сумасшедший обжигающий поцелуй, полный безумия.

Его руки ласкали ее бедра, ее раскрытое перед ним лоно, пальцы безжалостно погружались в обе ее дырочки, и Софи кричала, ощущая себя всецело принадлежащей инквизитору. Он мог брать и терзать ее так, как ему вздумалось бы, и каждое его проникновение она приняла бы как величайшее наслаждение.

- Нет, - вдруг произнес он, отстраняясь от женщины. Его ладонь лежала на груди Софи, которую ласкала и тискала до того, но Тристан остывал после первого всплеска страсти, дрожа и приходя в себя. - Нет, это неправильно. Мы не будем делать этого.

Он отпустил ее бедра, словно с сожалением. Его мокрые пальцы пахли ее соком желания, женщина хотела его, в том он мог поклясться, но это была не та женщина, о которой он грезил.

Глава 3

Софи, тяжело дыша, наскоро привела в порядок одежду, отряхнула и оправила юбки. Щеки ее пылали; отчего-то она почувствовала себя обманутой.

«Она принимала меня любым», - сказал инквизитор.

Дыша страстью, живя ею, он ранил сердце Софи своим огнем, и она позволила себе быть откровенной, позволила себе неудержимый порыв. Она потянулась к Тристану всей своей душой, *тоже приняла* его таким, каков он был в ту минуту - фанатичным, жестоким, безумным и страшным от запаха крови. Она пожелала его, впервые в жизни пожелала мужчину до головокружения, до грешного безумия. Но он не понял этого - или, что еще хуже, понял, но не принял порыва ее души.

Не принял...

Не та женщина, что волновала его воображение!

И это после трех лет вдовства!

...Интересно, были ли женщины у инквизитора? Или он все еще хранит верность той, ушедшей, никак не смирившись с ее смертью и отрицая ее?

- Почему? - с вызовом в голосе произнесла Софи, стягивая на груди порванную блузу.

Инквизитор кинул на нее взгляд алых горящих глаз искоса, и она его выдержала, не отвела своего взгляда.

- Вы желали бы продолжения? - насмешливо произнес он. - Так извольте, я готов. Если вам холодно и одиноко этой ночью, я всегда готов утешить и согреть любую хорошенькую женщину. Насчет этого я не хотел бы, чтобы у вас оставались сомнения. Я не пуританин и не ханжа. Никогда не отличался... гхм... сдержанностью. И потереться животом о чужой мягкий животик было бы весьма неплохо.

- О, благодарю, не стоит напрягаться! - раздраженно ответила Софи. - Добывайте огонь трением где-нибудь в другом месте! Я подумала, вам это действительно нужно, и не банальный грех, а...

- А что?

- Не важно. Но ваших одолжений мне не нужно!

- Вот поэтому и нет, - произнес инквизитор особым стервозным голосом. - Вы же все понимаете сами. Вы... хорошая девочка. Хорошие девочки всегда все портят своей излишней серьезностью. Они сразу хотят отношений, любви и замуж. Вы замужем - значит, третий пункт отпадает сразу. Но и любви я вам дать не могу. Ангелы, - инквизитор помедлил, словно припоминая что-то, - даже падшие, даже карающие - они не должны принадлежать никому. Такие отношения приносят только боль и смерть.

- О, не надо этих пафосных речей! - со смехом воскликнула Софи. - Я всего лишь... словом, не важно. Но вы навывдумывали себе много того, о чем я даже не помышляла! Ничего себе, самомнение! Вы не праздничный сладкий пирог, чтобы каждая хотела от вас откусить!

- Мне все больше и больше нравится ваша фантазия! В какое место вы желали бы уку-
сать?

Глаза инквизитора вспыхнули насмешливым огоньком, и Софи покраснела, припоминая его, обнаженного, белого, как взбитые сливки в дорогом пирожном.

- Ни в какое! - выкрикнула она сердито. - Что за сальные пошлости!

- Но вы хотели пригласить меня в свою постель, - с нарастающим интересом продолжил он. - Неужто не страшно?

Он улыбнулся хищно, ноздри его дрогнули, как у хищного животного, учуявшего жертву.

- Вдруг я безжалостен в постели и люблю причинять боль, - прошептал он, наступая на женщину, окутывая ее своей тяжелой, напряженной аурой. - Вдруг я люблю сечь розгами своих любовниц и насиловать их?..

- О, не надо лжи! - воскликнула раздраженно Софи. - Я знаю, каков вы в постели - вы нежный, внимательный и ласковый любовник! Но чтобы ваш грозный имидж не пострадал, я никому об этом не скажу! Рычите себе на людей дальше и запугивайте их грозными взглядами, я никому не скажу, что вы любите нежно целоваться!

С громовым звоном и грохотом упал таз, ссорящиеся обернулись и увидели Густава, вытаращившего глаза и раскрывшего рот, от удивления упустившего вышеупомянутый таз с водой.

- Что уставился! - рыкнула Софи.

- Вы, - пробормотал Густав, указывая трясущимся пальцем то на Софи, то на Тристана.

- Вы... вы...

- Мадам посетило интересное видение, касающееся моей личной жизни, - вежливо пояснил инквизитор. - Не более того. Я мадам и пальцем не тронул.

- Вообще-то, тронул, - осторожно напомнил Густав, явно страшаясь нарваться на гнев инквизитора. Но тот внезапно рассмеялся, прищурил алые глаза и осмотрел долговязого мальчишку.

- А у тебя храброе сердце, - заметил он.

Густав невпопад поклонился, нескладно прижимая руки к груди.

- Как скажете, ваша милость.

Тристан снова глянул на пылающую гневом Софи и с преувеличенной вежливостью произнес:

- Могу я получить завтрак?

- Разумеется! - едко ответила она. - Что предпочитаете с утра? Выдавленные глаза грешников? Отрезанные уши некромантов?

- Будете так шутить - закажу, - пригрозил Тристан спокойно. - И попробуйте не выполнить.

- Густав, что стоишь столбом! - выкрикнула Софи. Ей просто необходимо было прикрикнуть на кого-то, чтобы вернуть себе хоть каплю уверенности. - Собери тут воду! Скоро посетители придут, постояльцы к завтраку спустятся!

- Конечно, - поддакнул ей Густав. Но у самого так и бегали хитрющие глаза и оттопыренные уши горели от предвкушения чего-то опасного и интересного.

Едва шаг рассерженной Софи смолкли на лестнице, как инквизитор, по-свойски обняв парнишку за плечи, очень проникновенно и даже просяще произнес:

- А скажи-ка мне, храбрый юноша, что там ты упоминал про оборотней? Все части гололомок у меня сходятся, вот только оборотни никак не вписываются в общую картину. Ты ведь оборотень, мой друг?

Эти сказанные добрым слова действовали на мальчишку словно удар тяжелым молотом по голове. Тощие колени его под короткими штанишками подкосились, длинное лицо вытянулось еще больше, вся кровь отлила от щек и Густав стал бледным, как полотно.

- Откуда вы... - пробормотал он испуганно, еле живой от ужаса. Тристан снова покровительственно похлопал его по плечу. - Не говорите никому! Всеми святыми заклинаю - никому! Не то мне!..

- Ну, ну, - ободрил он насмерть перепуганного мальчишку. - Я же не Патрик ваш. Я сразу понял, что ты оборотень. От тебя псиной пахнет. Ну, и некоторые особенности строения черепа, суставов... Да не трясись ты так. Я не вижу в этом ничего дурного и предосудительного. Оборотень - значит, оборотень. Лишь бы человек был хороший. А мне что-то подсказывает, что ты хороший человек. И очень храбрый, если много чего знаешь об этих мерзавцах.

Краска медленно возвращалась на щеки мальчишки. Тот с облегчением вздохнул и отер взмокший лоб под черной ровной челкой.

- Ну, рассказывай, - проговорил инквизитор. - Ты пытался спасти одну из жертв Пожирателей?

- Откуда вы... - мальчишка уставился на Тристана с почти благоговейным ужасом.

- Я видел на них амулеты, отпугивающие оборотней, запрятанные под этими их развевающимися тряпками, - ответил инквизитор. - Очевидно же, что оборотни на них нападали, и Пожиратели их боятся. Так ты будешь уже говорить, или мне самому придется гадать?

- Да нечего рассказывать, - затараторил Густав. - Ну, была у нас девчонка такая, Мария. Нравилась она мне. Провожал я ее по вечерам, чтобы не случилось ничего...

- Но оно случилось.

- Да. Пожиратели пришли за ней...

- ...И погнали по городу пару напуганных детей, - задумчиво произнес инквизитор. - Сердца у них нет.

Густав кивнул и сделался серьезным.

- Они не хотели меня, они хотели ее.

- И тогда ты перекинулся.

- Да, - Густав снова густо покраснел. - Я перекинулся, и их лошади почему-то меня напугались. Пару раз гавкнуть было достаточно, чтобы они взбесились, перестали слушаться седоков, и Мария успела удрать.

- Почему-то? - удивленно переспросил инквизитор. - Ты не знаешь, почему лошади боятся волков?

Густав покраснел еще гуще.

- Но, строго говоря, я не совсем волк, когда оборачиваюсь, - ответил он.

- Волчонок? Молодой щенок?

- Не совсем...

- А ты умеешь заинтриговать! Всегда води себя так с девушками - отбоя не будет. Так кто ты, смелый оборотень? Ты достаточно высокого роста, худощавый, но крупный - медведь?

Мальчишка грустно вздохнул, крутнулся вокруг себя и тотчас у ног инквизитора, трясая тощей шкуркой, заплясала маленькая пучеглазая черная собачка из тех, что дамы любят носить в муфте, для красоты.

- Что?! - поразился Тристан, разглядывая крохотное хрупкое существо, шурящее круглые огромные глазки. - Чихуахуа?! И тебя напугались лошади?

- Да, ваша милость, - ответил Густав, снова оборачиваясь в человека. - Голос у меня, сами понимаете, тоже не самый грозный, скорее наоборот. Но страху я на них нагнал доброго!

- Интересное какое явление, - пробормотал инквизитор. - Пожиратели оборотней боятся! Патрик задавил всех магов в округе и перевел оборотней. Выходит, оборотни им ни к чему, но магия их опасна для злодеев. А магически бессильные люди не могут сопротивляться... Да, интересно. Я поразмыслию на досуге над этим, - он снова по-дружески хлопнул мальчишку по плечу. - А ты не исчезай. Ты мне понадобишься, такой храбрый.

- Да? Правда? - Густав так и расцвел. Перебросив полотенце через плечо, он засеменил за инквизитором, как преданный пес. - Всегда мечтал стать грозным, таким, как вы. Одного вашего появления достаточно было, чтоб все разбежались, как тараканы! Наверное, быть инквизитором здорово...

- И не мечтай даже, - холодно ответил Тристан, и Густав тотчас обиженно надулся:

- Это потому, что я чихуа? - проговорил он обиженно. - Был бы волком, вы б меня приняли в инквизиторы?

- Глупый, - Тристан неодобрительно покосился на него. - Это тут причем? В инквизиторы берут не за анимагическую форму, а за желание души. В сердце твоём должно жить желание справедливости.

- Оно там живет! - радостно воскликнул Густав, скача вслед за Тристаном по ступенькам лестницы. - Ей-же богу, живет!

- Инквизиторский труд, - поучительно произнес Тристан, - очень опасное дело и кровавое.

- Так попробуйте меня в деле! Я не струшу!

- Не трусишь - в этом я уверен, - произнес Тристан, с удивлением качнув головой. - Чихуахуа на Пожирателей, м-да... но одной смелости маловато.

- А еще? Что еще надо? - не отставал Густав, и Тристан с удивлением обернулся к нему.

- Ты серьезно? - произнес он. - Ты правда просишься в Орден?

Густав с жаром закивал.

- Да и кто ж, как не вы, туда может принять! - выпалил он. - Вы же Тристан Пилигрим, Первый! Я о вас кое-что знаю.

- Никто не знает - а ты знаешь? - удивился Тристан.

- Я читал книги, - признался Густав. - Те, что Патрик велел сжечь на городской площади.

- Но ты их не сжег? - уточнил Тристан.

- Нет, конечно, - ответил Густав. - Бросил в огонь мешки с тряпками и старыми газетами.

А в книгах были написаны заклятья... и кое-что об инквизиторе Тристане Пилигриме.

Тристан сжал губы, пристально заглянул в преданные мальчишечьи глаза.

- А ты действительно смелый, маленький оборотень, - произнес он. - Хорошо, я подумаю.

Верный Густав все же подменил свою изнемогшую хозяйку, которая почти не спала ночь, поджидая инквизитора. Впрочем, это ему было не впервой; частенько, когда хозяин поколачивал Софи, а затем отправлялся в город, молодая женщина уходила наверх, чтобы отлежаться. Тогда Густав вертелся волчком, чтобы все успеть.

Но сегодня Софи, ускользнувшая от обязанностей хозяйки, хоть и улеглась в постель, уснуть не могла. Она ворочалась, и в голове ее вспыхивали видения, одно ярче другого.

Прикосновение к инквизитору будто бы пробудило ее дар, вдохнуло в нее новые магические силы. Стило ей закрыть глаза, как видения начинали кружиться в ее голове, тревожа и мучая ее.

То она видела площадь, темное, будто грозовое небо, и Тристана под ливнем из острейших стрел-перьев.

То чудилась ей некая тайная комнатка, неплотно запертая и золотой свет, бьющий из щели между косяком и дверью. Темное это место почему-то казалось Софи очень знакомым, даже дверная ручка - бронзовая голова льва с кольцом в зубах привычно ложилась в руку, - но как бы она не оглядывалась кругом, вспомнить, что это за дом, ей никак не удавалось.

В своем видении она толкала эту дверь, и раздавалось грозное и страшное, словно тиканье тысячи часов, биение сердец.

Они были в стеклянных баках повсюду, отнятые у хозяев, но странным образом живые. Они бились, часто и испуганно, и каждый их удар превращался в прозрачную слезу, что стекала по стенке хрустального прекрасного сосуда. Он был наполнен уже почти доверху, и там, в прозрачной, как жидкий горный хрусталь, воде, зарождалось что-то новое, что-то магическое, что-то невероятно сильное и прекрасное, такое великое, что Софи не могла ни постичь, ни рассмотреть.

Она касалась стеклянной блестящей стенки сосуда, и ее вышвыривало в другое видение, затирая темнотой комнату с сердцами.

Становилось темно и жарко, Софи беспокойно стонала и ворочалась, чувствуя, что жара навалилась на нее тяжелой плитой. Она тянулась к свету, а из света огня к ней шел Тристан.

Он был одет по-домашнему, рукава его сорочки были закатаны, как у лекаря, и весь его вид наводил на мысль, что он ухаживал за больным.

«А кто заболел? - думала Софи. - Неужто я?»

Инквизитор подходил к ней, клал руку на ее лоб, и она ощущала прохладу его пальцев. Софи стонала и пробовала пошевелиться, но у нее выходило плохо. Инквизитор касался ее магией, она чувствовала, как его сила льется в ее тело, поддерживая, унося в спасительное беспамятство.

«Это было или будет?» - думала Софи, стараясь понять, видения прошлого это или будущего. Лечил ее инквизитор? Или только будет спасать от какой-то болезни? Но ответить ей было некому. И она снова погружалась в видения, пестрые и непонятные, мучающие ее.

Очнувшись Софи от того, что кто-то тряс ее за плечо, довольно грубовато, но несильно.

Разлепив тяжелые веки, она потеряла глаза и увидела склонившегося над ней мужа.

«Ага, - подумала она, - инквизитора нет в гостинице, иначе Ричард ни за что не осмелился бы подойти ко мне! Что ему нужно? Явился, чтоб за косы оттащить за то, что я сплю днем?»

Но Ричард, несмотря на то, что тряс ее бесцеремонно и требовательно, решил сыграть в хорошего и заботливого мужа.

- Милая, - сказал он с такой кислой физиономией, будто это ласковое слово щипало его за язык и кололо насквозь острыми иглами, - ты не заболела ли? Спала так беспокойно, стонала и кричала...

«Ага, - подумала Софи, пристально глядя в неестественно доброе, чересчур заботливое лицо Ричарда. - Кричала. Интересно, что я такого выкрикнула, что он поспешил ко мне? Секрет, где отец припрятал мое приданое? Или... имя инквизитора?!»

В самом деле, такая заботливость для Ричарда была неестественна. Зимой Софи сильно простудилась и три дня не поднималась с постели. Так питье и лекарства ей подносил избегавшийся, валяющийся с ног Густав. Муж пришел проводить ее лишь однажды, когда она уже шла на поправку, и доктор, уходя от больной, сказал Ричарду, что она не заразна.

И то Ричард глянул на жену лишь издали, из раскрытых дверей, на всякий случай зажимая рот и нос платком, чтоб не подхватить заразу.

А тут такая забота!

Приревновал? Не произнесла ли она часом имени Тристана, не позвала ли его в бреду?

- Что тебе нужно, - грубовато ответила Софи, поднимаясь с постели.

Ее шатнуло, постель эта явилась ей в видениях, наложившись на реальность.

Она была разобрана и смята, подушки расползлись, сплюснутые, раскиданные. А в простынях, остывая после любви, лежали они с Тристаном. Обнаженные и уставшие. Обнявшиеся, ласкающиеся.

Софи снова застонала, отчаянно и громко, вцепившись руками в спинку кровати, чтоб не упасть. Ноги ее подгибались, видение настойчиво витало над головой. Софи чувствовала привычный запах мужа - табак, мята и пыль, - но и вкус языка Тристана на своем языке, его мягкие волнующие прикосновения чувствовала отчетливо, как будто он был тут сам и целовал ее так, как никогда не целовал муж, Ричард.

Даже в день свадьбы.

От Тристана тоже пахло индивидуально, так, как не пахло ни от кого. Тонким острым запахом свежести, горечи и отчего-то - золота. Софи иногда вываливала драгоценности из шкатулки себе в ладони, чтоб полюбоваться масляным блеском желтого металла. После него ладони им пахли; Софи не была уверена, что кто-то еще чувствует этот запах, а она вот чувствовала.

В видениях ее поцелуи Тристана тоже пахли золотом.

Они оглушали Софи своей ласковой страстью, она прижималась к его губам и позволяла ему ласкать свои губы, свой рот языком. Отчего-то эта ласка была очень возбуждающей. Софи чувствовала, как все горит у нее меж ног, как сладкие спазмы охватывают живот. Под своими ладонями она чувствовала теплую кожу и тугие мышцы инквизитора, и тогда у нее начинала кружиться голова от возбуждения.

«Да это всего лишь картинки, - пыталась она уверить себя. - Никто не знает, сбываются они... или уже сбылись... или это просто магия рисует мои потаенные мечты!»

- Ну как же, - оживился Ричард, поднимая повыше лампу и освещая бледное лицо Софи. - Мы же женаты, и я должен о тебе заботиться! В болезни и здравии...

«Да как же не так! - уже озлобленно подумала Софи. - Особенно в болезни-то от тебя помощи не дождешься! Значит, что-то тебе понадобилось! Что я такого могла сказать, чтобы он прибежал ко мне со своими нежностями?!»

- Не ври мне! - грубо ответила ему Софи. - Обычно тебе наплевать на меня!

- Софи! - притворно удивленно выдохнул Ричард. - Не говори так! Ты не права! Да, возможно, я сдержан в проявлениях своих чувств, но это вовсе не означает, что мне все равно! Я люблю тебя, и не хотел бы, чтобы наша семья распалась из-за какого-то постороннего...

«Ага, - подумала Софи, невольно краснея. - Звала Тристана...»

- Если б ты был хорошим мужем, - простонала она, - наша семья бы не распалась не из-за какого постороннего человека. А это ведь мысль! Развестись.

- Нет-нет-нет! - затараторил Ричард, отчаянно замотав головой. - Только не это! Я не допущу! Я не переживу этого.

- Да, точно, - злоратно ответила Софи. - С голода помрешь. Кто ж тогда на тебя работать станет.

Видение накатило на нее с новой силой, и она охнула, вдруг ощутив на себе тяжесть обнаженного тела Тристана, его возбуждение, его нетерпеливую дрожь, ладонь, поглаживающую ее живот и вкрадчиво скользящую у нее меж ног, его поцелуй, стирающий ее нежный, возбужденный стон.

Видение было намного приятнее, чем разговор с мужем, и Софи с удовольствием нырнула в него, очутившись лицом к лицу с Тристаном. Инквизитор двинулся - плавно, гибко, ласкаясь об нее всем телом, прижимаясь животом к ее животу, и у Софи дыхание перехватило от возбуждения.

«Этого еще не хватало! - в панике подумала она. - При муже быть с другим мужчиной... пусть даже в видениях! Изydi!»

Однако, видение ее не отпускало.

Как замороженная, Софи смотрела в него и видела, как инквизитор, перевернув ее легко, словно пушинку, заставил встать, опершись на локти и колени, и Софи прикусила губу, чтоб не взвыть, когда почуяла, как в нее проникает его тугая горячая плоть.

Близость с ним не приносила ей ощущение тяжелого, гнетущего, душного стыда, какой обычно она испытывала в объятиях Ричарда. Вместо боли и усталости каждое прикосновение Тристана дарило ей удовольствие, и она покорно следовала за его руками, сама ласкаясь к ним и млея.

Белоснежные ладони крепко, даже жестко обхватили ее бедра, Тристан толкнулся в ее тело сильно, агрессивно, глубоко, и женщина едва сдержала крик, полный наслаждения.

- Да что с тобой такое?! - воскликнул Ричард в панике.

- Мне очень больно, - выдохнула Софи. - Живот болит... врача позови! Иди... иди же!!

В ее видении Тристан вжался в ее тело бедрами, прижался животом к ее ягодицам, членом проникая очень глубоко, надавливая на упругое бархатное доньшко ее женского естества,

поглаживая женщину там, в глубине, давая ей понять, что она вся принадлежит ему, что он властвует над ней. Ощущения почти невыносимые; настоящие; слишком реальные.

Он неспешно запустил свои белоснежные пальцы в ее волосы, намотал их на кулак, заставив изнемогающую, нанизанную на его жесткий член женщину прогнуться назад, и стал брать ее жесткими, сильными, отрывистыми толчками, каждый из которых выбивал крик из ее напряженного, задышающегося горла.

Терпеть это бесстыдное и чувственное видение у Софи сил не было. Ноги ее подогнулись, она сползла на пол, всем своим телом ощущая прикосновения тела Тристана, жар его кожи, крепкие пальцы, впившиеся ей в бедро.

Он словно мстил ей за то, что она опровергла его слова, что он может быть жестоким в постели. Но в этой его жестокости было величайшее наслаждение и страсть. Его руки в золотом свете огня тискали и ласкали все тело любовницы, повторяли его плавные линии, очерчивали напрягающиеся мышцы, перемешивая ее боль и наслаждение.

Сцены акта любви стерли все иные видения Софи. Она закрыла лицо руками, бессильно усевшись на пол у постели, и позволила видению течь плавно и поглотить ее. Она не слышала реальности и больше не сопротивлялась волшебному сну. Ричард в панике убежал, а она сидела, поскуливая, вздрагивая, обмирая и любуясь игрой золотого света на лице альбиноса, ласкающего ее так нежно и чувственно, что Софи разрыдалась, поняв, насколько ее жизнь была лишена любви.

«Как жаль, - рыдая, думала Софи, когда страстное видение, выжав из нее все силы, погасло. - Как жаль, что мои видения - все лишь цветные, ничего не значащие картинки, всего лишь отражение в магии моих желаний...»

Патрик, вероятно, и сбежал бы из города ночью, несмотря на свой страх перед оборотнями, некромантами и страшным туманом. Но Инквизитор, видимо, вместе с парой оплеух наложил на него какое-то заклятье. Поэтому поутру клирик первым делом прибежал на площадь, сам сунул голову и руки в колодку, сам встал на колени, и к моменту, когда солнце поднялось повыше, освещая замерзший слякотной ночью город, Патрик уже успел прийти в себя, нарыдаться, обмирая от страха, и в кровь ободрал руки и шею, стараясь высвободиться.

Но колодки, установленные на деревянном помосте посередине города, держали его крепко. Отойдя от заклятья Инквизитора, Патрик скулил и орал, вертелся, как волк, попавший в капкан, но освободиться не мог.

К моменту, когда на помост поднялся приехавший вчера инквизитор, солнце сожгло нос несчастного страдальца до цвета спелого помидора. Патрик уже успел раскаться во всех своих нечистых делишках и с иступлением безумца надеялся на пощаду.

Но не тут-то было.

В руках Тристана был черный меч - уже недобрый знак. Патрик даже заверещал, мелко дрыгая ногами от ужаса, когда инквизиторский клинок, вещь зловещая и будто бы живущая своей, отдельной, таинственной жизнью, качнулся у его лица.

Вокруг помоста собралось много людей - и зевак, и тех, кто жаждал его, Патрика крови. Тех, кого Патрик наказывал или лишил близких. Он видел их озлобленные лица в толпе и чувствовал себя загнанным зверем.

Инквизитор, одетый во все чистое и свежее - даже новое черное пальто со светлыми пуговицами сыскалось в его багаже, - зловеще прогуливался рядышком с жертвой, похлопывая мечом по голенищу высокого сапога.

И небо над помостом вдруг налилось зловещей чернотой, словно все тучи королевства, закрыв мгновенно небо, сбежались в одну точку...

- Сегодня, - звучно произнес инквизитор, и его сильный, хорошо поставленный голос разнесся над площадью, - я хотел бы поговорить с вами о том, что есть хорошо, а что плохо. Этот человек, - Тристан указал на обмирающего от страха Патрика своим мечом, - пользуясь вашим невежеством, выдумал множество правил, которые не имеют к истинной магии никакого отношения! Он запугивал вас и пытал, когда ему вздумается. Так вот я вас научу, как изобличать мошенников. Во-первых, - он обернулся к Патрику и чуть качнул головой, - левой жестью на кострах инквизиции нельзя!

Он размахнулся что есть силы и плашмя врезал мечом по заднице скованного клирика.

Рука у Тристана была тяжела; от удара шкура на зад Патрика лопнула, боль огнем обожгла нервы, и тот взвился, словно горячий скакун, ревя на всю площадь кабаном, и дрыгая ногами так, что с него слетели штаны и запутали его ноги. Он, брыкаясь, переломал бы себе шею и руки, зажатые в колодках, если б его же собственные помощники, подчиняющиеся теперь Тристану, не удержали его за плечи.

- Ты как-то без благодарности принимаешь инквизиторскую милость, - холодно заметил Тристан, без сожаления разглядывая вопящего Патрика. - Согласись, что я очень милосерден. Я не обложил тебя хворостом и не отрубил тебе голову сразу же. Я всего лишь секу тебя.

- О-о-о, - орал Патрик, багровея, шипя, хрипя и булькая, корча ужасные рожи, чтобы как-то перенести наказание. - Какая чудовищная боль!

- Наверное, нерв перебил, - спокойно заметил Тристан. - Или кость сломал. Наверное, ты останешься хромым... если вообще сможешь ходить!

И он, размахнувшись, еще раз врезал мечом плашмя по заднице Патрика.

Тот заорал еще громче, извиваясь и дергаясь, как буйно помешанный в приступе. Его вытаращенные глаза смотрели в черное небо - и не видели, глотка рвалась от криков.

- Так вот я, высший инквизитор, Тристан Пилигрим, - произнес Тристан, дождавшись, когда извивающийся наказанный немного стихнет, - говорю вам: нет никаких правил. Есть один непреложный закон: не навреди. Магия есть черная, магия есть белая. И инквизиторский гнев направлен на тех, кто использует эту магию во вред людям - и на тех, кто призван людей защищать, но вместо этого выращивает их, словно овец, для своих недобрых целей!

Он снова с размаху опустил меч на зад Патрика, и разодранная в клочья замызганная сутана разошлась под его клинком, обнажая белую тощую дрыгающуюся спину клирика.

Тристан уж было занес меч для следующего удара - но тут, на бледной дряблой коже, чуть ниже поясницы, он заметил знакомое пятно, чуть серое, как не отмтая грязь.

Ухмыляющийся череп с пустыми глазницами.

Точно такой же, какой оставила чужая магия напротив его сердца.

Тристан почувствовал, как трясется его рука, сжимающая эсток, словно это меч тянет ее, нетерпеливо дергает, умоляя - пронзи! Рассеки!

- А что это такое у тебя, мерзавец, - прохрипел задуманно Тристан, не удержавшись и кольнув в зад Патрика, сильно, до крови. - Что это за метка, я тебя спрашиваю, скотина?

- Ась? - настрожился Патрик, позабыв в очередной раз поорать. Он изо всех сил вытянул шею, чтобы выглянуть из-за колодки и увидеть то, на что указывает инквизитор, но у него не вышло. - А что там? Я откуда знаю? Может, подтерся недостаточно хорошо...

- Ты правда думаешь, что меня заинтересует твой грязный зад, - нехорошим голосом произнес Тристан, - а не клеймо злодея на твоей шкуре?!

- Какое еще клеймо!? - совершенно искренне возмутился Патрик, вертясь итак, и этак, чтобы рассмотреть то, о чем толкует инквизитор. - Ни одна рука а всем белом свете не посмела бы меня клеймить!

- А эту метку и не руки оставили. Эй, огня мне! Сейчас ты иначе запоешь!

Патрик завыл, дико и беспомощно, когда из толпы, что смотрела на его унижение злыми глазами, кто-то с готовностью кинул инквизитору крепкий смоляной факел.

- Ну? Будешь дальше запираяться? Ты, мерзавец, управлял шайкой бандитов, что напали на людей и запугивали город! А кто тебе приказывал это делать? Кто твой хозяин? Говори, да погромче, чтоб все слышали!

- Ложь! - багровея, проорал Патрик, злобно стискивая кулаки. - Все ложь! Нет доказательств!

- А, так ты ж не знаешь, тебе же никто не сказал...

Рядом с прикованным Патриком, едва не столкнувшись с ним носами, упала отрубленная мертвая голова, и Патрик в ужасе ахнул.

- Вот этот сегодня напал на меня ночью, выраженный, как приведение. Люди опознали в нем одного из твоих помощников. Что скажешь в свое оправдание?

- Не знаю ничего! - завопил Патрик.

Помощники его, до того с готовностью орудовавшие на помосте, трусливо озирались, сбившись в кучу. Люди плотнее обступили помост, размахивали кулаками, выкрикивали угрозы и проклятья.

- Всем раздеться догола! - рявкнул инквизитор. - И не приведи небо, чтобы я на ком-то еще нашел такую метку!..

Но метки ни на ком не нашлось.

- Значит, поступим по старинке, - сказал Тристан.

Он зажег факел и, перехватив черный эсток за лезвие, наверху его рукояти сунул в пламя. Там, на навершии, вместо украшения, гладко отполированного шарика или искусно выточенной головы животного, была плоская печать, маленькая, но довольно понятная. Крохотная хищная птица-зимородок.

Печать быстро раскалилась, и Патрик, учуяв запах горячего металла, забеспокоился.

- Что ты такое удумал, что удумал?! - вопил он, дрыгая голым телом.

- Перебью тебе клеймо, - ответил Тристан, поднося раскаленную докрасна печать к ухмыляющемуся магическому черепу. - Магия всемогущая, я забираю этого человека себе, отнимаю его у хозяина. Нет злу над ним власти.

Он точно, одним движением, накрыл алым металлом дымный череп на коже Патрика, и черная магия дымом и шипением полезла из-под печати инквизитора.

Патрик заорал и завыл, извиваясь, как толпа сумасшедших маньяков, глаза его налились черным, словно зло выглянуло наружу из его души.

- Маленький Зимородок, - неожиданно страшно, многогласно произнес Патрик. В его голосе воедино сплелись женские, детские, страшные мужские и жуткие демонические голоса. - Ты правда думаешь, что сможешь победить? Думаешь, напугаешь кого-то своим клинком и огнем? Нет, это слишком слабая пугалка. Порой и грешнику-то этого маловато, чтоб покаяться. А я рожден в огне. Так что ты можешь всего меня изукрасить ожогами, как леопарда пятнами. Это тебе не поможет.

- О, да у нас тут демон, - под испуганные вопли толпы отступая от скалящего зубы Патрика, хладнокровно заметил Тристан. - Только мелкий, глупый и еще не знакомый с инквизиторами. Ты думаешь, я демонам не умею причинять боль? Зря, зря. Я очень опытен в вопросах пыток. Еще разок предлагаю тебе назвать своего хозяина, того, кто вызвал тебя и подселил в это тело. И тогда ты отправишься в ад быстро и мягко, как на каникулы к любящей бабушке. Ну?

- Ни за что! - кривляясь и дразнясь, прокричал тот, кто назывался местным клириком, Патриком.

Тристан безразлично пожал плечами.

- Ну, я предупредил.

Подкинув клинок в воздух, Тристан перехватил его за стывшую рукоять и коснулся острием тела Патрика. Еле уловимыми движениями кисти он несколькими порезами высек на

боку прикованного некое слово, и оно вспыхнуло белым слепящим светом, словно магическое клеймо.

Патрик взвыл настолько жутким голосом, что люди на площади бросились врассыпную. Остались только самые бесстрашные да обиженные Патриком, желающие узнать, чем кончится схватка инквизитора с нечистью.

- Сволочь! - провыл Патрик, корчась.

- А я предупреждал, - резонно ответил Тристан. - Так ты назовешь своего хозяина? Или, может, удовлетворишь мое любопытство? Зачем вам понадобилась моя жена?

- Не скажу! - выл Патрик зло. - Тебе это с рук не сойдет! За меня вступятся, за меня отомстят! Меня спасут!

- Интересно, кто, - усмехнулся инквизитор.

Внезапно Патрик начал темнеть, дымиться темными призрачными лентами, как тот негодяй, которого Тристан обезглавил ночью, а среди немногочисленных зрителей, стоящих у помоста, Тристан заметил слабое сверкание. Кто-то показывал Патрику-демону зеркало или какой-то иной блестящий предмет. И зеркальная магия освобождала демона от пут.

- Да как же не так!

Тристан ринулся к своему пленнику, мечом отхватил добрый кусок от его сутаны и накинул на голову, завязывая на затылке как повязку играющему в жмурки. Лишенный зрения, демон закрутил головой, страшно закричал, но испаряться перестал.

- Эй, там! Держите его сообщника!

Неприметный серый тип рванул прочь, за ним побежали люди, и Тристан с досадой подумал, что вряд ли его догонят. Но зато у него оставался демон-Патрик, не так ли?

- Сейчас ты мне все скажешь!

- Скажу, скажу-у-у! - трусливо завыл демон, понимая, что помощь к нему не придет. - Я все скажу, только спаси, защити меня-а-а! Я не сам, меня наняли на эту работу-у-у! Спаси, они идут за мной! Я не хочу умирать! Проклятый Зимородок, ты снова вывернешься, а мне конец! Раскрой свои крылья, чертова птица, и спасай меня!

Темнота, надвигающаяся с неба, стала холодной и шумной. Тристан поднял лицо, смахнул со лба растрепавшиеся от ветра белые волосы и увидел, как на него летит огромная, сверкающая зеркальная птица, размахивая страшными крыльями, состоящими из осколков зеркал. Словно выпадающие перья, гремящие осколки ломались и падали вниз, на людей, и те в панике, с криками разбегались, раненные, порезанные.

Зеркальный монстр летел за Патриком. Убить или забрать - все равно. Осколки зеркал, разлетающиеся в разные стороны, способны были пронзить тощее тело клирика и угомонить его навсегда.

А еще там, в толпе, окаменев от испуга, стояла Софи.

Она могла бы удрать, как все остальные, но что-то ее держало, ноги ее словно приклеились к земле, а в глазах что-то брезжило. То ли странные, ни к месту ожившие воспоминания, то ли испуг, то ли смирение с тем, что сейчас и наступит ее конец. Зеркальные осколки падали, словно куски ледяных тяжелых и острых глыб, и ее не задевало только чудом. От каждого удара в землю Софи вздрагивала, но не отрывала испуганного, немигающего взгляда от Тристана, и как-то беззащитно, по-детски неловко, вскидывала руки, будто ими пытаясь уберечься от удара.

- Спаси меня-а-а! - орал Патрик, почуяв, что Тристан колеблется. - И я расскажу тебе, зачем мы убили твою жену- у-у! Меня-а-а-а! Я все расскажу! Все! Все! Все!

Но Тристан уже выбрал; распахнув свои белоснежные крылья, он нырнул с помоста вниз, под брюхо зеркального монстра, и в великолепном выпаде всадил черный клинок в блестящее дребезжащее зеркальное брюхо.

Магия, которой был порожден этот монстр, была рассечена мечом инквизитора, и зеркала лопнули на миллион осколков. Тристан нырнул вниз, крепко ухватил Софи и тотчас же вынырнул из-под разваливающегося чудовища, невредимый. Ну, разве что мелкие осколки застряли в его белых волосах. Позади него помост с Патриком был весь утыкан и завален зеркальными осколками. Демон, по всей вероятности, был изрешечен ими и свою тайну утащил с собой в ад.

Но спасенная девушка в его руках была холодна, глаза ее были закрыты и голова беспомощно болталась на тонкой шее.

В плече ее торчал зеркальный осколок, не то, чтобы очень большой, но холодный, мертвый. Тристан выдернул его, обрезая пальцы. Черная магия обожгла ледяной стужей его руку, до судороги свела ладонь, но Софи ожила, глотнула со всхлипом воздуха и подняла дрожащие голубоватые веки.

- Вы почти узнали, - прошептала она. - Почти раскрыли эту тайну... если б не я... Вы бы сейчас уже завершили свое расследование...

- Ничего, - ответил Тристан, прижимая ладонью ее кровоточащее плечо. - Я никуда не спешу.

- Я помогу вам, - произнесла Софи через силу, стараясь поднять голову и заглядывая в алые глаза Тристана. - Если останусь жива... Я вам помогу... потому что вспомнила. Это ваша история, Тристан Пилигрим, младший Зимородок, незаконный сын короля-Зимородка. Дело в вас...

- О, как холодно... словно я уже умерла, и сердце остыло...

- Это от магии. Потерпите. Рана не смертельна, но неприятно, конечно.

Тристан донес Софи до ее гостиницы на руках и торопливо поднялся по лестнице на второй этаж, к комнатам.

Испуганный Густав бежал вслед за инквизитором вприпрыжку, стараясь заглянуть в лицо своей раненой хозяйки.

- Принеси горячей воды, - скомандовал Тристан, - полотенце чистых... да черт дери, где муж этой дамы?!

- Уехал по делам, - ответил Густав. - В это время он обычно ездит в банк, кладет деньги в сейф.

- Черт его дери! Для него что, нет ничего важнее денег? Софи, вам надо с ним развестись. Это очень, очень плохой человек, ненадежный и поганый, как крыса! Он не защитит вас ни от кого, и не поддержит никогда!

- Я знаю, - пролепетала Софи заплетающимся языком. - Густав... где твои книги, те, с картинками, что ты спас от Патрика? Их... их прежде всего принеси. Они важнее всего... важнее...

- Да помолчите немного! Важнее вашего самочувствия сейчас ничего нет!

Но Густав послушно мотнул стриженной головой и умчался исполнять поручения.

Тристан принес Софи в свою комнату - от ее комнаты ключа у него не было, да и искать сейчас его в карманах хозяйки он не счел возможным. Пинком раскрыв двери, он пронес Софи до постели и бережно уложил ее. Софи усмехнулась, прикрыла глаза.

- А мои видения, - прошептала она, - начинают сбываться...

- Вот как? - хладнокровно произнес Тристан, безжалостно распарывая на Софи платье и обнажая ее плечи и грудь. Она попыталась стыдливо прикрыть свою наготу, но Тристан остановил ее, поймав тонкую кисть рукой: - Перестаньте, не сопротивляйтесь! Сейчас я с вами как врач, а не как мужчина. Нечего стыдиться. Итак, что же вам виделось?

- Тьма, - ответила Софи, позволяя Тристану осмотреть свое раненое плечо и извлечь из него мелкие осколки. - Тьма на площади, я ее видела... вас, как вы лечите меня... У вас золотые

руки, Тристан Пилигрим, - произнесла она с улыбкой, наблюдая, как его белоснежные пальцы отирают ее кровь и боль. - Вам не кажется это странным?

- Вы бредите, - ответил Тристан. - Какое странное воздействие на вас оказывает магия!

- Нет, нет, - возразила Софи. - Мой разум ясен, как никогда. Вы так напугали меня, поря и прижигая этого демона, что я все вспомнила! Я вспомнила, что уже слышала о вас. Все-все!

- От кого же?

- От отца. Он был у меня старым, великим магом. Жил, наверное, лет пятьсот. Никто точно не знает. Я никогда не видела его молодым, только старым, убеленным сединой... Кукольник Зимородка, слышали о таком?

- Нет, - сухо ответил Тристан.

- А вот он вас отлично знал; и даже следил за вашей судьбой и записывал о вас в своих воспоминаниях. А я читала и знаю о вас все-все. Тристан Пилигрим, бастард короля Зимородка, младший Зимородок... Вы правда не удивлены тем, что у вас золотые руки, что вы все умеете и все можете? Вас ведь никто не учил многим вещам. Вы их просто умеете делать, и все. Избалованный, упрямый и дерзкий, дурной мальчишка - таким вы росли? Курили с детства, пили вино, дрались на ножах с местными бандитами. Это так неподобающе для королевского ребенка... Перепортили кучу дорогой одежды и соблазнили всех окрестных девушек поспимпатичнее. К наукам особой склонности не питали. В вас не было терпеливости ученого мужа... но стоило вам лишиться, скажем, пальца на руке в драке, как вы с ювелирной точностью изготовили себе золотой наперсток, точно как палец. Откуда талант и знания?

- Не знаю, - грубовато ответил Тристан, покосившись на свою белоснежную руку, где на мизинце был еле заметен тонкий искусный шов, выведенный волшебной нитью.

- Да и потом, - продолжила Софи. - Вы сделали себе золотой палец, золотую ступню, нос, глаз - но сердце?... Откуда в вашей груди золотое сердце храбреца? Его вы себе сделать не могли.

- Родился таким, - буркнул Тристан.

- Нет, - покачала головой Софи. Ее губы были бледными и дрожали от холода, но она упорно стремилась рассказать историю так, чтобы Тристан ей поверил. - Родились вы с обычным сердцем. Только с больным и слабым.

Губы Тристана сжались в узкую полоску, и Софи, прикрыв глаза, кивнула головой:

- Да, Тристан Пилигрим. Король очень любил вас; вы не знали этого, не верили в это - но он вас любил. Вас и вашу мать. Когда вы родились, он был счастлив, несмотря на то, что вы были не совсем обычным ребенком. Белизна? Что ж, это всего лишь цвет кожи. Но болезнь проникла глубоко в ваше тело. Дух ваш был силен, вы боролись за жизнь, даже будучи крохотным младенцем в пеленках. Но сердце... оно могло подвести в любой миг. Вы могли умереть еще тогда, Тристан. И король решил вас спасти. Такого, белоснежного и красноглазого, странного и болезненного.

Тристан сглотнул, склонил голову, скрывая слезы, будто слабеющая Софи задела самый больной, самый живой и самый чувствительный уголок его души.

- Мой отец делал кукол, - произнесла Софи с трудом. - Чудесных кукол. И дарил им живые, магические сердце. Куклы делались ну почти как живые. Они пели, танцевали, рассказывали сказки, огорчались и влюблялись. Век их, правда, был недолог. Фарфоровая могла разбиться, а деревянную могли изгрызть термиты. Но все же краткий миг жизни у них был. Никто не знал секрета, как оживить сердце для куклы, а отец знал. Вот к нему король принес вас. И уговорил подарить вам сердце, чтобы вы могли жить дальше.

- Золотое сердце храбреца, - задумчиво произнес Тристан.

- Да; у отца был готовы несколько кукол. Храбрец - отважный солдат в нарядном мундире, - лежал в голубой шелковой коробке. Я не знаю, как, но отец вам это сердце... подарил. И часть своего таланта вместе с ним - тоже. Вот почему вы все умеете.

Когда он вернул вас королю, вы кричали так, что все лицо было красным, и размахивали руками и ногами, а до того спали тихо- тихо, словно душа вот-вот выскользнет из тела. Король от счастья всплакнул; и на радостях жаловал отцу звание Кукольника Зимородка и много-много золота и драгоценных камней...

Софи помолчала немного, припоминая и складывая в памяти все куски головоломок.

- Отец тогда хотел сделать самую лучшую и самую искусную куклу. Большую, как человек. И подарить ей самое идеальное из всех своих сердец. Он долго работал над ней. Не год, и не два -десятилетиями. Столетиями. Накладывал чары. Уже умер король Зимородок, уже отгремела ваша дурная слава, а он все работал над этой куклой. Старшие дети его состарились, а он все пилил и строгал. Я, маленькая, иногда приходила в его мастерскую и видела, как он вытачивает руку, не отличимую от человеческой, или вставляет в голову разноцветные глаза...

Говорить Софи стало труднее. Тристан грел, дышал на ее замерзающие руки, но это помогало мало.

- Но был еще, - прошептала Софи, почти засыпая от сковывающего ее холода. - Еще один маг... такой же великий, как мой отец... почти такой же. Он тоже делал кукол. Зеркальных кукол, которые могли принять какой угодно вид. Такой вид, какой больше всего понравился бы хозяину. Даже самим хозяином могли прикинуться... Но они были не живые. Не то, совсем не то. Он завидовал отцу и хотел... украсть его секрет. Отец начал прятаться; он несколько раз перевозил свою мастерскую, прятал ее. Все боялся, что его секреты попадут в нечистые руки. Говорят... говорят, что зеркальные куклы были замечены в грязных историях с ограблениями. Будто бы они, эти куклы, своих хозяев обкрадывали и уносили все добро... Зеркальщик хотел тоже создать куклу, живую, чтобы она ничем не отличалась от человека, но превосходила творения моего отца... Но он не знает секрета живых сердец. А у отца вышло. Я знаю - у него вышло создать ту куклу! Большую и живую. Он торжествовал, он праздновал свою победу!

О, как хотел тогда Зеркальщик ее раздобыть! Как жаждал! Вероятно, он ее даже видел, но не понимал, что перед ним его мечта; отец говорил, что выводил ее в свет и люди не узнавали в ней куклу. Она точно была как живая.

Тогда Зеркальщик сделал свой последний и отчаянный ход - напал на отца. Они передрались, и отец пришел домой окровавленный, без сил. Он тогда и наложил на меня заклятье, чтобы я не помнила, где он спрятал свою мастерскую. Кукла... она исчезла. Может, осталась в запертой мастерской. Может, ушла в люди. Я ни разу не видела ее ни до, ни после. Я не знаю, как она выглядит, не знаю даже девочка это или мальчик. Отец умер; а Зеркальщик до сих пор охотится на нее.

- Ах, так вот зачем им необычные сердца, - пробормотал Тристан. - Ищет то самое...

- Или хочет открыть секрет, Тристан, - серьезно проговорила Софи, глядя на него своими большими, блестящими глазами. - Секрет бессмертия - вот что разгадал мой отец. Подумайте только; если научиться делать такие сердца, сколько можно прожить! Кем можно стать, унаследовав от магического сердца вложенные в него таланты! Вероятно, вас приманили, чтобы...

Она испуганно охнула, но Тристан криво усмехнулся.

- Не переживайте за меня, - ответил он. - Были времена, когда я это сердце сам предлагал всем желающим, да только удержать и носить его не мог никто, кроме меня. Ваш отец крепко его в меня вшил, а я стал немного сильнее и проворнее, чем в былые времена. Так что я уж постараюсь его не потерять!

Софи впала в беспамятство.

Она иногда приходила в себя, когда инквизитор касался ее, поднося к губам горячее питье, и тогда комната немного менялась.

В первое ее пробуждение она увидела на столе ворох книг, притащенных Густавом. Юный помощник смущенно приглаживал смоляные волосы, а Тристан склонялся над старыми пыльными страницами.

Во второе ее пробуждение ночь спустилась на землю, в окнах было темно. Тристан сидел в кресле у камина, закинув ногу на ногу, куря трубку и листая записки ее отца. Его алые глаза вспыхивали так же ярко, как тлеющий уголек в его трубке, серый дым вился над его белоснежной головой, как невидимые связи, протягивающиеся между разными людьми сквозь века.

В третий раз Софи проснулась от негромкого пения струн. Тристан перебирал длинными пальцами струны гитары, те вибрировали и пели что-то чарующими низкими голосами.

- О, - произнесла она тихо. - Этого в моих видениях не было. Как вы лечите меня - было, а что играете - нет.

- Чем-то надо занять себя, коротая ночь, - ответил Тристан. - Вам лучше? Я вынул все осколки, промыл вашу рану и заговорил ее. Она почти затянулась, но магия... надо подождать, чтобы она рассеялась.

- Немного лучше, - ответила Софи.

- Значит, к вам вернулись ваши способности? Вы стали получать видения чаще?

- Да, - ответила Софи и смущенно спрятала лицо под краешком одеяла. Тристан хмыкнул и лишь качнул головой, догадываясь, какого сорта видения снова посетили девушку, но смолчал.

- Спойте мне, Тристан, - попросила Софи вдруг, глядя, как Тристан снова склоняется над инструментом. - Я, конечно, не ваша возлюбленная... я знаю, вы пели только тем, кого любили... но все же. Хотелось бы послушать. Говорили, вы хорошо поете. Жаль, отец умер, и записи о вас прервались. Читать было интересно. Как о рыцарях древности.

Тристан исподлобья глянул на Софи и чуть качнул беловолосой головой:

- Хорошо. Спою.

- Вы часто любили?

- Влюблялся часто. Любил - нет. Пожалуй, только дважды в жизни. Но серенады пел я чаще.

Софи помолчала, слушая тихие слова старинной серенады, которые Тристан, припоминая, бормотал себе под нос.

- А каково это - быть инквизитором? - спросила Софи. Тристан задумался, наигрывая легкую тихую мелодию. - Страшно? Тяжело? Больно? Все-таки, вас растили и воспитывали совсем не для того, чтобы вы размахивали мечом и дрались с чудовищами. Вы могли стать важным, богатым графом. Или блестящим придворным.

- Двор не для меня. А дрался я всегда. Для меня это естественно - быть инквизитором, карающим мечом, - ответил он, наконец. - Я не хочу ждать, когда найдется кто-то, кто поймает и накажет мерзавца. Я делаю это сам. Я - закон, я - власть, выше королевской.

- В этом много тщеславия, - улыбнулась Софи. - И никогда не бывает страшно? Никогда не наступает отчаяние?

Тристан снова задумался.

- Ваш отец, - мягко произнес он, наконец, - дал мне совершенное сердце храбреца. Даже не знаю, что он привнес своей магией в мой характер, а что было заложено природой. Я не ведаю отчаяния и страха. Я знаю - я могу изменить все. И даже смерть меня не остановит. Я верю в это. А с верой жить легче.

- Я помню, - прошептала Софи, сбиваясь в комочек, грея дыханием замерзшие руки. - Я читала. Вас убили за то, что вы мстили за свою возлюбленную. Годы, десятилетия проклятья. Отец тогда был в отчаянии; он вас очень жалел и переживал. И, наверное, даже был в трауре. Все-таки, вас он считал своим самым совершенным творением.

Тристан рассмеялся, мотнув светловолосой головой.

- У вас редкий дар, - сказал он. - Вы умудряетесь словом ткнуть в самое чувствительное и болезненное место в душе, как иглой в глаз. Это больно, но боль приятная. Воспоминания - это единственное, что у меня в жизни осталось... теплого и живого.

- Многие еще впереди, - сказала Софи, трясаясь, как в лихорадке.

Тристан кивнул.

- Да, - согласился он. - Боль уйдет, многое забудется, и надо будет жить дальше. Холодно вам?

- Да, - трясаясь, как в лихорадке, ответила Софи. - Что за странная магия у этого Зеркальщика! Как он думает оживлять свои творения, если они будут холодны, как лед? Отец, насколько помню, всегда работал в горячо натопленной комнате, полной света. И ручки у его кукол были горячие...

Тристан вдруг поднял голову, резко поднялся и отложил гитару.

- Я согрею вас, - произнес он твердо, голосом, не принимающим возражения.

Софи задохнулась от смущения, когда Тристан освободился от одежды и, обнаженный, белоснежный, как фарфор, скользнул к ней под одеяло. Рука, обнявшая ее, была горяча, как огонь, грудь, к которой Софи прижалась, дышала жаром. Софи стыдливо сжала бедра, когда Тристан обнял ее за ягодицы и придвинул к себе ближе, вынуждая прижаться животом к животу.

Софи прижала руки к груди, закрываясь от Тристана, и это показалось ему забавным. Он тихо рассмеялся, поблескивая глазами, на его белоснежных щеках заиграли обаятельные ямочки.

- Запоздалое стеснение, - сказал он, - если учесть, что я вас и раздел, и несколько раз обтер целебным отваром. Всю, со всех сторон, не пропуская ни кусочка кожи. Теплее вам?

Софи, дрожа, только кивнула головой.

- Сейчас станет горячо, - шепнул Тристан. Его губы прижались к ее губам, и жар его дыхания прокатился по ее легким, наполнил замерзшую грудь.

Его губы прихватили ее нижнюю губку вместе с мягким, расслабленным языком. Его язык коснулся ее языка, обласкал чувствительную мякоть ее рта, а затем проник в него, глубоко, интимно, нежно, но так приятно и чувственно, что Софи застонала. Никогда еще поцелуи в ее жизни не были такими волнующими и сладкими. Губы Тристана были мягкими, живыми, горячими - не то, что губы ее мужа. Деревянные, жесткие. Неприятные и неудобные. Поцелуи его - словно шипки деревянных прищепок. От таких скорее хочется избавиться.

А Тристан, с его золотым сердцем, был жив и горяч весь. Он двигался мягко и гибко, прижимаясь к ее коже, накрывая ее стонущий рот своими жаркими губами, ласкаясь всем телом о ее тело, поглаживая ее живот своим животом, ее мягкий треугольничек меж плотно сдвинутыми ногами - своим жестким мужским естеством, так вкрадчиво, так маняще и так ласково, что Софи стонала, едва не рыдала от его нежности. От такой непривычной нежности, которой не испытывала никогда.

- Я же говорила, - прошептала она, пытаясь защититься от разгорающейся страсти Инквизитора, - что вы нежный и внимательный любовник...

- Не как ваш муж? - поинтересовался Тристан, тяжело дыша от возбуждения.

Воспоминания про Ричарда взволновали ее, она с криком попыталась отпихнуть от себя Тристана.

Но он, нависнув над ней, целовал и целовал ее, касаясь ее губ осторожно, мягко и часто, так соблазнительно и сладко, что Софи не нашла в себе мужества отказаться от этого наслаждения. Она принялась отвечать ему - неумело, но порывисто и страстно, - и поняла, что в этом и есть наслаждение. В желании и в порывистости. В прикосновениях, которые были так желанны и нежны.

Их губы слились в поцелуе, и Софи выкрикнула свое возбуждение и желание, чувствуя, как его ладонь касается и поглаживает ее плотно сдвинутые бедра. От возбуждения у нее зашумело в голове, она крепче сдвинула ноги, но лишь затем, чтобы его ласка стала чувствительнее и настойчивее.

Она несмело, словно таясь, провела ладонью по его горячему плечу, по шее. Пальцы ее забрались в его белоснежные волосы, и она замерла от сбывшегося невероятного чуда.

- Тристан, - простонала она, блаженно прикрыв глаза, когда он горячими губами наставил теплых пятен на ее шее. - Это ведь не видение? Не сон?

- Это самая настоящая реальность, - с усмешкой ответил Тристан.

Он порывисто прильнул к ней всем телом, коленом раздвинул ее ноги, которые до того она плотно и целомудренно сжимала, и Софи задрожала, понимая, что сейчас произойдет. Отчего-то это действие казалось ей более волнующим, пугающим и важным, чем первая брачная ночь с Ричардом.

Ладонь Тристана меж разведенных бедер гладила ее лоно, мокрое и готовое принять его.

Его крепкий, жесткий член, коснувшийся ее мокрых губок, скользнул в нее быстро, причинив легкую боль, и Софи вскрикнула, выгнувшись. Но жесткая ладонь Тристана проникла под ее шею, он сжал пальцы, удерживая женщину, и толкнулся еще раз, сильнее, чувствительнее, мешая боль и невероятное наслаждение.

Его возбуждающие проникновения ласкали Софи, она вскрикнула, как пугливая девственница, чувствуя, что это начинает ей нравиться. Более того - она сама раскрыла шире бедра, желая, чтоб Тристан проникал в ее тело. Она всхлипывала и прикивала к нему всем телом, принимая его в себя, блаженствуя. Ее голос рассыпался в столах и замолкал, когда Тристан закрывал его поцелуями.

- Жарко, - прошептала она, и Тристан откинул одеяло, обнажая их тела, слившиеся воедино.

Ее ноги он закинул себе на плечи, и Софи закричала из всех сил, чувствуя, как проникновения стали глубокими, чувствительными, словно водили по обнаженным нервам. Она вцеплялась в его плечи ногтями, но тогда он погружался в нее еще глубже, словно мстя, с удовольствием отмечая ее трепет.

- Тристан...

Он целовал свое имя с ее губ, и Софи почувствовала, что ее наполненное его ласками тело изнемогает и сдается.

- Я... я...

Она забилась под ним, с рычанием выдыхая свое наслаждение, и он вбивался в ее тело яростно, сильно и жестко.

- О, как хорошо, Тристан! Как хорошо!

Ее острые ноготки провели последние полосы на его белоснежных плечах, она слизнула горячим языком его боль, и замерла, считая сладкие спазмы своего тела.

- Тристан, какое блаженство!

Он двигался медленно, осторожно, продлевая наслаждение женщины, высекая слезы из-под ее дрожащих прикрытых век.

- Я почти люблю вас, Тристан!

- Я почти влюблен, Софи!

Глава 4

Утром Софи проснулась совершенно здоровая и с ощущением сбывшегося чуда, чудесной сказки. Раньше ей не приходилось просыпаться такой счастливой - ну, разве что в детстве, в преддверии праздника.

Тристан спал, уткнувшись в подушку и обхватив девушку одной рукой.

Он уже не казался Софи таким обжигающе-горячим. Кожа его была теплая, рука, обнимающая ее - тяжелой и расслабленной.

Софи никогда ранее не просыпалась с мужчиной в одной постели. Даже в первую брачную ночь, исполнив обязательный супружеский долг, Ричард вытолкнул Софи, напуганную, дрожащую, всю в слезах, вон и велел идти в свою спальню, холодную и непротопленную.

Сейчас же ей не было страшно и противно, и плакать не хотелось. Соседство мужчины рядом ей нравилось, даже тяжесть его навалившегося на нее тела. Было ощущение тепла, надежности и защищенности. Она с удивлением поняла, что Ричард и слова не скажет, даже если узнает. Не посмеет оспорить у инквизитора его добычу. И грозный образ Тристана будет витать над ним всю жизнь.

- Тебе придется научиться ходить со втянутой в плечи головой, - усмехнулась Софи недобро.

Стыдно перед Ричардом ей тоже не было.

Сначала, сразу после пробуждения, Софи как будто бы испытала испуг и укол стыда, сообразив, что все то, чем она занималась с Тристаном, называется супружеской неверностью, и что это плохо, стыдно и недостойно приличной женщины. И Ричард ее за это не похвалит.

Изменила Ричарду! Отдалась другому мужчине!

Да муж впадет в ярость, он будет злиться и кричать, топтать ногами, пока не покраснеет, как помидор, а потом наверняка исхлещет ей все лицо пощечинами!

Но тут во сне беспокойно шевельнулся Тристан, и страх Софи словно рукой сняло.

Ричард и Патрика-то боялся до судорог, а Тристану и намекнуть не посмеет, что брать чужих жен не очень-то хорошо.

А еще в ее душе шевельнулось горячее, яростное чувство протеста. С недобрым удовлетворением Софи вдруг подумала, что замуж ее выдавали в том числе и затем, чтобы она вот так, в обнимку, просыпалась по утрам, и чтобы память ее тревожили приятные ночные воспоминания.

- Для счастья, - сказала Софи задумчиво.

С Ричардом она мало счастья видела. Поначалу он на людях еще делал вид, будто хороший муж, но потом, когда не стало матери Софи, Ричард перестал таиться. Он со своей молодой женой вел себя так, будто приобрел бесплатную услугу. Влепить ей пощечину было для него делом обыденным.

- Он не дал мне ничего, ни тепла, ни любви, ни счастья, - шептала Софи, яростно сжав кулаки. - Так как вышло, что я ему осталась должна?!

Ночь любви с Тристаном была ее своеобразная маленькая месть Ричарду. Теперь она полнее ощущала всю никчемность своего мужа и понимала, что он был лишь видимостью защиты. Она сама себя убедила, что Патрик ее не трогает только потому, что дружен с ее мужем. На самом же деле, конечно, этот мелкий бесенок в человеческой шкурке, наверное, не получил разрешения от своего хозяина чтобы коснуться ее.

И Тристан так удачно явился и разрубил все ее проблемы...

Словно ощутив, что она уже не спит, Тристан открыл глаза, и Софи тотчас же почему-то захотела убежать, спрятаться. В его полусонных глазах она увидела разгорающееся желание,

его рука, лежащая на ее теле, двинулась, обнимая девушку крепче, Тристан шевельнулся, подминая Софи под себя.

Здравствуй, утреннее продолжение страстной ночи.

Этого у нее с Ричардом тоже не было никогда.

Одно время она очень страдала, что муж к ней холоден, и страстно желала пробудить чувства в его сердце. Очень старалась ему угодить в постели, чтобы тот оттаял, чтобы оставил с собой рядом до утра и с утра подарил поцелуй.

Зачем?

Софи призадумалась, зачем она это делала, и нашла лишь один ответ: от одиночества. Хотела обрести близкого человека в лице того, с кем была связана. Но и этого ей было не дано.

Ричарду это нравилось - ее покладистость и готовность отдавать ему все время и внимание; но он брал свое и снова прогонял ее в холодную спальню.

Он считал, что так и должно быть. Жена должна стараться для мужа. А муж должен брать и жить своей жизнью, так, как ему нравится. Развлекать жену в его планы не входило.

А Тристан...

Принимая его утренние поцелуи, ощущая его ладони на своем лице, Софи вдруг поняла, что дело не в ней, в Ричарде. Он не готов был любить, не хотел. Не хотел давать ласки, как дает сейчас Тристан.

Для Тристана это было естественно, ласкать и целовать, нежно поглаживать Софи всю, скользя ладонями по изгибам ее теплого тела. Дарить ей удовольствие и тепло своего немного влюбленного сердца.

Для Ричарда - нет. Он не умел любить.

- О, небеса, - прошептала Софи со смехом, когда Тристан, обнимая ее за талию, скользнул губами по ее вздрагивающему животу. - Что вы такое задумали?!

Он не ответил, исцеловывая ее живот, ее сжатые бедра, розовый треугольничек между ними. Его пальцы настойчиво проникли меж ее ног, в самом нежном и чувствительном, мягком месте, он развел ее бедра и прижался губами к розовому лону.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.